

Сэнгоку Дзидай. Эпоха Воюющих провинций

Автор:

Алексей Вязовский

Сэнгоку Дзидай. Эпоха Воюющих провинций

Алексей Викторович Вязовский

Сэнгоку Дзидай #1

Сильнейшее землетрясение в Токио оказалось роковым для российского студента, работавшего по контракту в японском банке. После удара по голове его сознание перемещается в 1538 год, в тело сына японского дайме (князя). Главный герой с самого начала угодил в безвыходную ситуацию: отец убит самураями конкурирующего клана, дядя собирается захватить власть в провинциях, принадлежащих дому Сатоми, на границах домена стоят вражеские войска, иезуиты плетут интриги, в свите наследника действует знаменитый шпион-синоби по имени Хандзо... Что будет с простым русским парнем в Стране восходящего солнца, цветущей сакуры и коварных ниндзя? Выживет ли изнеженный и избалованный «белый воротничок» в жестокую эпоху Воюющих провинций?

Алексей Вязовский

Сэнгоку Дзидай. Эпоха Воюющих провинций

Предисловие автора

Уважаемые читатели! Вы держите в руках книгу в жанре альтернативной истории. Мой роман посвящен Японии, а точнее, что бы было с этим островным государством, попади туда в 1538 год наш современник. Не ждите от романа стопроцентной аутентичности, некоторые события я сдвинул во времени (например, год «открытия» Японии португальцами), какие-то локации переместил в пространстве, с какими-то названиями и историями немного наврал (например, с эпосом о Яцуфусе), исторических персонажей слегка перетасовал, но в остальном обещаю – будет интересно. Гейши, самураи, суши, сумо – в общем, полный японский набор.

P.S. В романе много японских имен и названий. Пользуйтесь Глоссарием в конце книги.

Часть первая

Глава 1

Не бойся немного согнуться – прямее выпрямишься.

Японская пословица

– Саёнара[1 - До свидания (яп.)], Арексей-сан, – сосед по рабочему столу Исидо Оути выключил монитор и с коротким поклоном попытался просочиться сзади моего кресла.

Но так как в нашем банковском дилинге места совсем мало и кресло стояло почти вплотную к стене, мне было достаточно немного откинуться назад, чтобы зажать субтильного Исидо.

– Саёнара, ИПидо-сан – громко, на весь торговый зал, я выделил несуществующую букву П в имени японца.

Мой коллега, все-таки протиснувшись мимо кресла, наставил на меня указательный палец[2 - Указывать пальцем я Японии считается неприличным, так же как сморкаться, показывать зубы и т. д.]:

– Я несколько раз просил не коверкать мое имя. Стажер должен иметь уважение к старшему аналитику. Тем более...

– Тем более что меня зовут Алексей, а не Арексей, – невежливо прервал я поучения соседа.

Весь дилинг[3 - Специальное помещение с торговыми терминалами, где работают дилеры банков.], тридцать человек, напряженно прислушивался к нашей перепалке, хотя все делали вид, что заняты совершением операций с клиентами. Все дело происходило на сорок втором этаже крупнейшего токийского банка Mitsubishi. Да, того самого Мицубиши, который известен в России своими автомобилями «паджеро», «лансерами» и прочими «аутлендерами». Но крупнейшие японские корпорации уже давно производят не столько машины, электронику и различное оборудование, сколько... деньги. Вернее, даже не деньги, а то, что можно использовать как деньги, – деривативы. Это такие финансовые инструменты – опционы, фьючерсы, свопы, которые мировые банки активно изобретают, эмитируют и, по-другому не скажешь, – впаривают своим клиентам и партнерам. Эти «деньги» можно закладывать под кредиты, использовать для различных расчетов, именно им мы обязаны началу мирового финансового кризиса. Деривативом может быть что угодно. Ставка на будущий курс акций, стоимость нефти, даже погоду! Хотите застраховать себя от холодной зимы в Москве? Добро пожаловать в Bank of Tokyo-Mitsubishi – Алексей Афанасьев (это я!) с удовольствием продаст вам погодный фьючерс. Зачем вам погодный фьючерс? Ну, например, вы подмосковный фермер (ха-ха, такие еще есть?) и боитесь, что ваши озимые (посаженные на месте снесенного торгового центра – еще раз ха-ха) померзнут, а в результате вы недополучите урожая. От этого риска можно застраховаться, установив минимальную и максимальную температуру в погодном фьючерсе. Будет холоднее – банк вам покроет убытки. Теплее? Теперь уже вы банку должны. И поверьте, банку вы будете должны чаще, чем банк вам. Вот примерно так все это и работает.

– Я извиняюсь, но в японском языке нет звука «эл», – «р-р-ры» опять получилось у Исидо.

Услышав нашу перебранку, из своего закутка-кабинета выглянул начальник, Большой Босс. Его конечно, не Большой Босс зовут, и роста шеф-дилер вовсе не огромного – полтора метра максимум. Но уж больно Окихира Мацуда был похож на главного злодея из знаменитого фильма Брюса Ли. Та же челочка на голове, закрывающая плешь, усы подковой, костюм-тройка. Тут в Японии вообще невозможно представить офисного служащего не в костюме. Прийти в дилинг без брюк, рубашки, галстука и пиджака – осрамиться на весь Токио.

– Оба в мой кабинет – махнул нам рукой ББ.

Делать нечего, я поставил на паузу торгового робота, ради которого, собственно, сегодня и задержался на работе, и вслед за Исидо зашел в кабинет начальника.

Япония – очень маленькая страна. Тут сто двадцать шесть миллионов жителей живут на территории меньше нашей Камчатки. Для сравнения – сто сорок три миллиона россиян расселились на тридцати шести Камчатках! Прямо скажу – японцы живут на головах друг у друга. Это проявляется во всем. В токийском метро есть специальная должность – заталкиватель пассажиров в вагоны поезда. Сотни тысяч японцев периодически живут в отелях-капсулах, где весь номер – это пенал два метра на полтора, однако вмещающий в себя откидной столик, кровать, телевизор и еще мебели по мелочи. Вот и кабинет Мацуды был крохотный. Человек, зарабатывающий пару миллионов долларов в год, ютился в комнатке, больше похожей на кладовку. Два стула для посетителей, маленький стол, жалюзи, встроенный шкаф да миниатюрное дерево бонсай на подоконнике. Единственное, что меня примиряло с этим аскетизмом, – огромный двухметровый 3D-монитор, встроенный в стену. Монитор управлялся с голоса и сейчас транслировал графики основных валютных пар.

– Исидо-сан, – Окихира приглашающее указал на левый стул, – уже месяц, как я просил вас помириться с господином Афанасьевым. Я понимаю, что есть трудности в произношении его имени, но мы все вместе договорились называть нашего стажера просто Кенсусэ-сан[4 - Стажер (яп.)].

– Теперь вы, Афанасьев, – мне Большой Босс присесть не предложил, и я остался стоять. – Банк Мицубиши оказал вам огромную честь и пригласил пройти практику в лучшем финансовом учреждении Страны восходящего солнца...

Боже, как пафосно. Сейчас начнется:

«Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка. Но за все эти годы я не смог огорчить ее до смерти. А он – смог!» – Хочу ли чтобы мне сейчас устроили выволочку, как Иночкину из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»? Риторический вопрос. Не хочу. Что же делать? Тем временем Окихира продолжал вещать:

– ...Отобрали из тысячи студентов старших курсов! Мы отказали родственникам высокопоставленных сотрудников российского отделения банка, оплатили ваш перелет и проживание в Японии, дообучение японскому языку – все ради того, чтобы по окончании стажировки вы стали настоящим алмазом в короне нашей финансовой империи. И что же мы видим?

Бла, бла, бла... Черт, когда же он закончит свою ритуальную порку! Японец без ритуала – не японец. Все в этой стране формализовано до запятой. Выговор – это выговор, а не прощающий хлопок по плечу. Поощрение? Тоже не извольте беспокоиться, есть заведенный порядок. Весь дилинг собирается вместе, кланяются, благодарят за успех, тебе вручают конверт с премией, фотографируют с Большим Боссом на «Доску почета». Да что фотографии, тут даже свой гимн есть. И не просто для галочки, а каждое утро врубают колонки по всему зданию, и сотрудники, мужчины и женщины, стоя поют что-то типа:

Я поступила в лучший колледж

Учиться банковскому делу

Уже давно, еще со школы

Работать в нашем банке я хотела...

И так из года в год. Работу тут менять не принято, до сих пор кое-где существует практика пожизненного найма. Так что общее впечатление от моей двухмесячной стажировки в Японии – это страна биороботов, со своим кнопками включения – выключения... Каждый чих прописан в правилах, на каждый случай есть своя инструкция. Жить, конечно, комфортно и безопасно, но лучше уж я вернусь на последний курс МГУ, закончу вуз и начну какой-нибудь бизнес, где стану сам себе хозяином, чем стоять и выслушивать эти заунывные мантры. Дабы их побыстрее прекратить, я решил сделать ритуальный, униженный поклон. Если ты очень виноват, то единственный способ выразить это в Японии –

поклон буквой Г. Нагнуть туловище на 90 градусов и замереть, повторяя в слух примерно следующее: «Мосивакеаримасен[5 - Извините (яп.).]».

Мои полтора босса встают, отдают формальный, он же приветственный и прощальный, поклон в пятнадцать градусов (бывает еще поклон глубокого уважения – сорок пять градусов) – и отбывают из офиса домой. Я же, напевая песенку «Мы не сеем, мы не пашем, мы на крыше... э... флагом машем», возвращаюсь на свое рабочее место, где меня ждет мой торговый робот. Это такая компьютерная программа, которая сама торгует на разных биржах, без участия человека. Собственно, благодаря именно ей я и попал в крупнейший японский банк, да еще сразу в дилинг – святая святых кредитного учреждения. На предпоследнем курсе экономфака Университета я увлекся алгоритмическим трейдингом. Написал программу под названием «Иван Калита» (да, тот самый князь, собиратель земель русских, ходивший с денежной сумкой – калитой). Поучаствовал в конкурсе, который проводила токийская фондовая биржа (благо в МГУ четыре года учил японский), да так поучаствовал, что занял первое место с доходностью шестьсот семь процентов годовых. Да, вы не ослышались – именно столько, к моему собственному удивлению, заработал Ваня. Правда, оперировал я небольшой суммой – три тысячи долларов (двести сорок тысяч йен) – все, что смогли собрать мои родители для развлечения сынули, – так что озолотиться сам и озолотить родных я не успел. Однако в определенных кругах засветился, был приглашен на банковский форум с докладом, где меня и «подобрали» скауты «Трех орехов» – именно так переводится фамилия основателя Мицубиши (хотя пиар-служба, ясен пень, утверждает, что это – «Три брильянта»).

Ах, мистер Афанасьев, вы – финансовый гений, ваше место – на экономическом Олимпе, и этот Олимп находится вовсе не в Греции, а недалеко от горы Фудзи. А конкретнее – сорок второй этаж небоскреба в Токио. Полное обеспечение, все за наш счет, только пишите ваши замечательные программы.

Кто же знал, что от перемены мест слагаемых меняется результат? Сам я из Челябинска, в Москве в общаге не сказать чтобы шикавал. Подрабатывал по вечерам в брокерской компании, встречался с девчонкой-коллегой, жил от зарплаты до стипендии. Но какая-то жилка в моей жизни билась, рождались новые идеи, встречался с интересными людьми. Думал, Япония и Мицубиши – вообще закинут меня в космос. В двадцать четыре года стану новым Соросом или Баффетом. Мне главное – рычаг получить, или, выражаясь на финансовом слэнге, плечо. Ага, держи карман шире. Никто тут плечо мне подставлять не

собирался. Япония – очень закрытая страна. Стать своим – сделай себе хоть пластическую операцию на узкоглазие – невозможно. А мир чистогана накладывал еще один неприятный отпечаток. В дилинге работали не коллеги, а конкуренты. Каждый сотрудник замотивирован на индивидуальный финансовый результат. Командной работы нет и быть не может. Увести клиента у соседа – святое дело. Подставить со сделкой и впарить мусорные облигации? Ничего проще. Леша, ты хотел космоса? Получай равнодушный вакуум человеческих отношений, презрительные взгляды в спину (еще один гайдзин[6 - Чужак-иностранец (яп.)] как приедет, так и уедет ни с чем) и одиночество огромного города.

Смотрю на часы. Их у нас в дилинге пять штук – японское время, московское, Франкфурт, Лондон, Нью-Йорк – четверть одиннадцатого, за окном уже ночь. Дилинг полупустой – осталась дежурная смена да еще пара человек. Все заняты, головы уткнулись в мониторы, никто балду не пинает, в «Ангри Бёрдс» не играет. Нация трудоголиков. Мне же пора домой. Правда, домом мое место жительства назвать сложно – маленькая квартирка в двадцать два квадратных метра в районе префектуры Осима, без отдельной кухни, без отопления (в Японии вообще нет центрального отопления).

Потянувшись, я выключаю компьютер, и тут меня охватывает паника. Воздух в комнате замирает, звуки из приоткрытого окна пропадают, волосы на теле встают дыбом. Я задыхаюсь, а снизу, через все здание идет волна дрожи, сопровождаемая гулом сирен и грохотом разрушений. В дилинге поднимается паника, банкиры ныряют под столы, а комната качается все быстрее и сильнее. Мониторы падают на пол, со стены рушится «Доска почета».

Землетрясение! Да, еще какое сильное, – я вслед за японцами кидаюсь под стол. От потолка начинает отваливаться плитка, срабатывает пожарная сигнализация, и на нас льется вода. За окном слышны хлопки и взрывы, страшный грохот и душераздирающие крики. Тряска немного затихает, после чего возобновляется с новой силой. Я с ужасом гляжу на стену, на которой висели портреты членов правления банка. По ней змеится натуральная трещина. Испугавшись, вскакиваю и на негнущихся ногах, балансируя руками, пытаюсь идти к лестнице. Коллеги вслед мне кричат:

– Теиши[7 - Стой (яп.).]!

Какое тут стой! Тряска кидает меня на пол, и я, обсыпанный строительной пылью, на четвереньках ползу к открытой двери. Еще мощный удар, с потолка отлетает кусок плитки и бьет мне прямо по висок. Вспышка, темнота.

* * *

Ах, какая пытка! Правый висок просто разрывается от пульсирующей боли. Я с трудом разлепляю глаза. Все тело ломит, во рту вкус крови. Я лежу в большой комнате с высокими потолками в виде перекрещивающихся стропил. На дворе день, солнце светит, птички поют. Скосил глаза вправо – каменная стена, обшитая материей с живописной вышивкой. Красные цветы, зеленый дракон, обвивающий гору. А что у нас слева? Окна в форме бойниц, стекол нет – лишь распахнутые деревянные ставни. Впереди традиционная японская раздвижная стена из бамбука и бумаги – сёдзи. Я потрогал пол – и тут все «без сюрпризов». Классическое татами из рисовой соломы. Пора переходить к личному осмотру. Вернее, к ощупыванию. Так, голова у меня перевязана, потрогать раненый висок не удастся, а вот выше рука натывается на обритый лоб. В чем дело?! Мне делали трепанацию? А почему я тогда не на больничной койке, а лежу на полу, укрытый шелковым одеялом? Рука идет дальше и... натывается на косичку. В жизни хвостов из волос не вязал. Что-то явно не так. Меня начинает бить легкая дрожь. Я откидываю одеяло – и тут меня конкретно накрывает. Тело не мое. Ну, то есть совсем ни разу не мое – желтоватая кожа, безволосое, мускулистое. Я оттягиваю край фундоси – набедренной повязки, похожей на стринги. Слава богам, это тело мужчины, японского, но мужчины – все признаки на месте. Однако паника не унимается, дрожь продолжает бить мое новое пристанище. Я точно помню, что буквально совсем недавно был двадцати трех лет отроду, молодым белым парнем. Русский, европеоид, не состоял, не служил, не привлекался. Попал под землетрясение в Токио. Дальше шел какой-то провал в памяти. И вот я тут – непонятно где, непонятно в ком.

Так, стоп, даю команду себе. Воспользуемся японским методом успокоения. Беру дыхание под контроль – глубокий вдох с выпячиванием живота. Задержка, глубокий выдох. И еще раз. Через минуту прихожу в себя. Опираюсь на татами, пошатываясь, встаю. Накатывает тошнота, как при контузии или сотрясении мозга, но еще несколько правильных вдохов и выдохов – меня окончательно отпускает. Ноги сами несут мое новое тело к окну. И что я вижу?

Цензурно не выразиться. И не надо. Ругаюсь родным русским матом.

Передо мной открывается вид из окна замка. Натурального, средневекового. Каменные стены, донжон в виде пагоды, черепичные крыши, какие-то постройки внутри двора, садик, в котором ходят маленькие фигурки. Я прищурился – точно, японцы. Кимоно и выбритые лбы с косичками можно различить даже сверху. А еще заткнутые за пояс мечи. Да что происходит-то?! Кино, что ли, снимают? Я двинулся к другому окну.

Тут тоже был еще тот видок. Террасы рисовых полей, залитых водой, в которых копошатся раздетые крестьяне. Поля разделены напололам дорогой, которая упирается в ворота замка. По дороге скачет отряд человек сорок на лошадях. За каждым всадником закреплен прямоугольный флажок фиолетового цвета. Реконструкторы, наверное. Просто японцы выехали на природу пожить жизнью предков. Да, именно, очень натуральная реконструкция под старину.

Голова пошла кругом, в ногах появилась слабость. Я навалился грудью на подоконник, но продолжал вглядываться в окрестный пейзаж. Электрических столбов нет, машин нет. Асфальт на дороге? Нет, обыкновенная грунтовка. А что у нас в небе? Пусто. Ни летящих самолетов, ни белых инверсионных следов. Это что же происходит-то?!

Мозг отчаянно искал объяснения, но не находил.

Я вернулся на свое место – и только сейчас заметил у торцевой стены небольшой помост, на котором лежало несколько подушек и стояло какое-то чучело. Приглядевшись, я понял, что это не чучело, а средневековые доспехи. Шлем с рогами, наплечниками и демонической личиной, панцирь, наручи, поножи, что-то вроде бронированной юбки. В середине панциря искусно выгравирован круг с двумя параллельными прямыми внутри. Рядом с доспехами на специальной подставке лежали два меча. Длинный, сантиметров девяносто, в черных, украшенных серебром ножнах – классический японский катана. Маленький, сантиметров сорок – вакидзаси.

Руки прямо зачесались, и, несмотря на шум в голове и пульсирующую боль в виске, я зашел на помост. После чего с некоторой робостью взял длинный меч, вытащил его из ножен... и тут меня опять переключило. Откуда только взялись силы? Тело само сделало шаг вперед, еще один, обе руки обхватывают рукоять,

локти разведены, делаю прямой рубящий удар сверху вниз, быстрый шаг назад левой ногой диагонально влево, клинок огибает траекторию, напоминая букву «V». Кончик меча оказывается на уровне солнечного сплетения, с шагом правой ноги вперед, наношу прямой укол в воображаемый корпус противника. Все это неожиданно для меня сопровождается громким криком «То»!

За сёдзи раздается ответный крик «Фуан!»[8 - Тревога (яп.)], и в комнату врываются четыре самурая в фиолетовых кимоно, с обнаженными мечами. Я чувствую нереальность происходящего, сила, наполнявшая организм, пропадает, новый взрыв боли в голове, роняю меч – и мое новое тело валится с помоста вниз головой. Опять темнота.

Глава 2

В случае победы – правительственные войска, в случае поражения – мятежники.

Японская пословица

Медленно и долго я выплываю из темноты обратно. Первым очнулось обоняние. Мой нос чует запах корицы, мяты и еще каких-то лекарственных трав. Вторым проснулось осязание. Руки, ноги на месте, голова болит, но умеренно. В районе виска чувствую ноющую рану. Наконец прорезался слух. Слышу тихую японскую речь у себя в изголовье. Слова вроде бы знакомые, но узнаются с трудом. Такое ощущение, что я учил упрощенный, «народный» японский, а сейчас попал в аристократическую среду с архаичными местоимениями, учтиво-вежливыми выражениями. Все эти «ватакуси», «аноката», «доната» перемешиваются у меня в голове, создавая какую-то какофонию. Но постепенно все устаканивается, и потихоньку я начинаю понимать местный язык. Беседуют три человека. Двое мужчины и одна женщина. Один голос явно принадлежит пожилому человеку, второй – судя по терминологии, врачу.

Врач:

– Листья мяты и алоэ обладают кровоостанавливающим действием. Как нас учит трактат «Мин тан ту», от ран еще очень хорошо помогают листья хрена васаби,

пережженные моллюски и пепел от раковин «хамагури».

Женщина:

- Кусуриури-сан, меня беспокоят внутренние повреждения мужа.

Ого! Неужели это про меня? Или тут есть еще раненые? Однако послушаем дальше.

Пожилой:

- Охрана сообщила, что молодой господин делал ката[9 - Формализованный комплекс упражнений в японских боевых искусствах с четкой последовательностью движений.] с мечом и упал без сознания.

Врач:

- От ран черепа может нарушаться течение энергии ки в организме. Трактат «Яккэй Тайсо»[10 - «Великая сила лекарственного канона» (яп.).] советует в таких случаях делать восстанавливающее иглоукалывание. Но я не возьмусь ставить иглы от болезней головы. Нужно вызывать медика из столицы. Я бы посоветовал придворного врача Фунэ Сукэхито. Говорят, он пользовал самого господина Канцлера!

Пожилой:

- Ага, так тебе Ходзе и пропустят к нам такого человека. Да и не поедет Фунэ в нашу глушь. А если и поедет, то надо ехать через земли Такэда и Ямоноути, и когда в этом случае ждать его в Тибете? Через полгода, год? Будем ли мы все живы к тому времени?

Врач:

- А если кораблем?

Пожилой:

– Надо пригласить христианского священника. Я слышал, что иезуит, который у нас проездом, был доктором до того, как его рукоположили в сан. Сам видел, как ловко он наложил шину на сломанную руку крестьянина.

Врач (оскорбленно):

– Эти грязнули?! Да что могут южные варвары, кроме как пустить кровь больному?..

Женщина (примиряюще):

– Господа, не ссорьтесь, пожалуйста. Мне, кажется, у мужа дрогнули веки.

Вот и все, меня вычислили, пора просыпаться. Я открыл глаза и огляделся. Все та же комната замка, вечер, в окно виден краешек уходящего за горизонт солнца. Рядом со мной сидят на коленях три человека. Девушка-японка лет двадцати, в традиционном кимоно зеленого цвета с золотыми бабочками и широким поясом оби, на ногах – белые носочки. Высокая, сложная прическа с заколками. В руках розовый веер. Красивая. Нежная матовая кожа, карие глаза, алые губы. На щеках ямочки. А фигурка, фигурка-то. Аппетитная! Смотрит на меня с тревогой и нежностью. Справа от нее застыл глыбой настоящий самурай. С седым ежиком волос, косичкой, двумя мечами. И вовсе он не старик, как мне показалось по голосу. Хотя в бороде много седых волос, на вид – лет сорок пять – пятьдесят, одет в коричневое кимоно с вышитым на груди фиолетовым кругом и двумя линиями внутри. Взгляд твердый, уверенный. Перевитые венами руки лежат на мечах. На правой щеке шрам. И последний персонаж этой мизансцены – кругленький толстенький живчик в сером кимоно и накидке, волос на голове нет, мечей тоже, к поясу подвешены несколько мешочков. Судя по запаху – там лекарственные травы. Рядом лежит сумка на лямке. Внутри видны бумажные конвертики, подписанные иероглифами. Это, стало быть, врач.

Придерживая одеяло рукой, я сел. Троица японцев тут же поклонились мне. Причем девушка и врач сделали глубокий поклон, прижав руки к татами и коснувшись пола лбом, самурай – тоже отдал низкий и почтительный поклон, но все-таки менее фундаментальный, чем у соседей. Вот за что я люблю японские

ритуалы (хоть и ругал их раньше), так это за информативность. Взять те же поклоны. Сразу видно, кто альфа-самец, кто кому обязан или выше по статусу. Ну что ж, пора расставить все точки над «і».

- Кто вы и где я? - после короткого ответного поклона спросил я.

Троица тревожно переглянулась.

- Господин, а вы разве не помните, кто мы? - Седой самурай ожидаемо взял инициативу поддерживать разговор на себя.

- Представьте, себе, что нет, - этот средневековый театр уже начал меня раздражать.

Еще один безмолвный обмен взглядами. В глазах прекрасной японки появились слезы. Вот только женских слез тут не хватало.

- Господин, а вы помните, как вас зовут? - вступил в беседу врач-колобок.

- Что за глупые вопросы, конечно, я... - и тут мой взгляд упал на желтоватые, жилистые руки, которыми я держал одеяло. Ступор. Неужели... я откинул одеяло. Боже, я все еще в теле японца. Меня повело в сторону, но девушка успела подхватить меня с одной стороны, а доктор - с другой.

- И ничего страшного, все в порядке, так бывает, - зачастил врач, - после ушибов головы люди, бывает, теряют память. Это временно, это пройдет. Сейчас мы сделаем настоячку на чернокорне, поставим иголки...

Девушка тем временем взяла колокольчик, что лежал рядом с ней, и позвонила. Сёдзи открылась, и я увидел с обеих сторон дверей бритые лбы двух самураев.

Быстрый взмах веером:

- Позовите мою служанку, Юкки! Пусть принесет чаю. Скорее же!

Тем временем седой придвинулся ближе ко мне и заглянул в глаза:

– Господин, вы совсем ничего не помните?!

– Где я? Какой сейчас год? Кто вы? – на меня в очередной раз накатила тошнота и слабость. Хотелось лечь и закрыть глаза.

– Меня зовут Симодзумо Хиро, – представился самурай. – Я генерал и хатомото[11 - Хатамото обычно переводится как «знаменосец», этот титул традиционно присваивали личным телохранителям военачальника, которые всегда сопровождали своего командира и защищали его на поле боя. Он также присваивался потомкам семей выдающегося происхождения, а также людям, обладающим исключительным мастерством. Хатамото составляли своего рода «мелкопоместное дворянство».] армии провинции Сатоми. Вы находитесь в столице Сатоми – крепости Тиба. Сейчас пятый месяц сацуки седьмого года Тэнмона.

Очень информативно, просто зашибись. Однако если с местным летоисчислением – полный пролет, то месяц сацуки показался мне знакомым. Где-то я уже слышал это название. Сацуки, минадзуки... В моей голове щелкнуло, и я вспомнил. Первую неделю пребывания в Японии банк Мицубиши оплатил несколько экскурсий по Токио для иностранных стажеров. Императорский дворец, Сад Хаппоен, буддийский храм Асакуса – галопом по европам, однако некоторые факты в моей памяти отложились.

Гид совершенно точно упоминал, что в Стране восходящего солнца деление года на двенадцать месяцев изобрели параллельно с западной цивилизацией. Однако старый японский календарь отставал от европейского на один месяц. Как известно, летом в Японии – сезон дождей. Однако июнь – минадзуки – называется месяцем без дождей. И это странно. Но ничего странного, если сдвинуть все на месяц вперед – на июль – начало августа, когда дожди действительно заканчиваются. До минадзуки идет сацуки – месяц посадки риса. Что, собственно, я и наблюдал в окно замка. Значит, сейчас июнь. Теперь место. Название провинции мне ни о чем не говорило, а вот в городе Тиба я бывал. Вернее, не в самом городе, а рядом. Моя первая «детская» попытка наладить взаимоотношения с коллегами по банку – коллективная поездка в местный Диснейленд. Японцы просто обожают детище Уолта Диснея, а расположено оно на границе Токио, рядом с префектурой Тиба. Фу... мысленно вытер пот со лба – я все еще на главном японском острове Хонсю. Я на Земле. Что-то начинает проясняться, но как объяснить весь местный средневековый антураж? И мое

новое тело?! Я кивнул самураю продолжать.

Симодзумо Хиро тяжело вздохнул и продолжил свой рассказ.

С его слов выходило, что я – двадцатитрехлетний Сатоми Ёшихиро, сын дайме Сатоми Ёшитака, подло убитого три дня назад. Убили моего «папу» самураи Норикаты Огигаяцу, дайме соседнего клана. Мы с отцом и охранниками ехали с соколиной охоты, когда из леса выскочила полусотня всадников с яри, т. е. с копьями, и первым же ударом вырезала немногочисленную охрану. Отец с уцелевшими бойцами остался прикрывать мой отход, но я по молодости и глупости полез в схватку, получил удар копьем в шлем. Наконечник копья пробил защитную пластину и срезал кожу на виске. Спас Сатоми Ёшихиро охранник, который смог вытащить «мое» тело из боя.

– Дайте зеркало, – хриплым от волнения голосом попросил я.

Девушка еще раз позвонила в колокольчик и отдала приказ. Тем временем в комнату зашли две служанки. Одна пожилая, перевязанная широким красным поясом поверх кимоно, вторая – молоденькая. Обе с подносом. Они поклонились, быстро расставили пиалы, чайник, миски с едой, в которой я узнал традиционную сырую рыбу, соевый соус, рис, морскую капусту, еще какие-то блюда. Врачу подали отдельный чайник, в котором был кипяток. Тот сразу начал крошить туда лекарственные травы из своих мешочков и конвертиков, помешивая деревянной палочкой. Я почувствовал сильный голод вместе с жаждой и накинулся на еду. При этом я старался есть неторопливо, так как знал, что японцы ценят терпение и сдержанность. Тем более что восточными палочками быстро не поешь. В тупик меня поставил суп из морепродуктов. В японских ресторанах я обычно просил ложку. Что же здесь делать? Помявшись, я выпил из пиалы жижу, а твердые кусочки сгреб палочками сразу в рот. В чайнике оказался зеленый чай, который пришелся очень кстати. Мою попытку налить себе самому в корне пресекла «жена». Пока я ел и пил, замковые самураи внесли в комнату зеркало. Это оказался лист полированной бронзы. Я взгляделся в себя «нового». Широкоплечий молодой парень. Рост – примерно метр семьдесят. Узкие карие глаза, широкий выбритый лоб, небольшая косичка из черных волос. Волевой подбородок. Ни усов, ни бороды. Я провел рукой по щекам – щетины тоже нет, хотя, если верить генералу, мое тело три дня пролежало без сознания.

– Как вас зовут? – я слегка поклонился в адрес девушки, после того как самураи унесли зеркало.

Мой вопрос вызвал слезы искреннего горя, но японка быстро справилась с собой. Справа от меня сидела жена, Тотоми Сатаке. Уже три года, как мы «расписаны», и у меня есть сын – Сатоми Киётомо. Мальчику два годика. Я прошу его привести, а тем временем выжидательно смотрю на толстяка. Врача зовут Акитори Кусуриури, причем Кусуриури – по-японски аптекарь. Он был вызван в замок вчера вечером лечить сына дайме от раны головы. Акитори – аптекарь высшей категории, то есть имеет право вести врачебную практику.

Осталось выяснить главное. Какой год на дворе и как я тут очутился.

– Позовите, пожалуйста, христианского священника, – прошу я троицу, – и принесите одежду.

В глазах генерала, жены и врача – искреннее недоумение. А не сошел ли Сатоми Ёшихиро с ума? Но мои просьбы быстро выполняются. Пока ждем иезуита, темнеет. Слуги расставляют по комнате бумажные фонарики тётин. Я заглянул в один. Внутри что-то вроде маленькой лампадки с маслом и фитилем, каркас из бамбука обшит плотной бумагой красного и желтого цвета. Мой интерес к фонарику также не проходит незамеченным. Аптекарь наливает мне настойку, которую я осторожно пью. Иглоукалывание решительно пресекаю. Приносят одежду. Хлопчатобумажные штаны дзубон, белый пояс и черный т-образный халат, известный в мире как кимоно. Путаясь, надеваю кимоно, повязываю пояс. Самурай дергает щекой, жена опять начинает тихо плакать. Да в чем дело-то?

– Господин, только на похоронах кимоно запахивают на левую сторону – кланяется мне аптекарь.

Перезапахиваюсь, после чего поднимаюсь на помост и с коротким поклоном беру мечи. Так, только бы не облажаться еще раз. Обнажать мечи полностью, кажется, нельзя, выдвигаю слегка катану из ножен. Проверяю заточку. Бритвы отдыхают. Так, теперь надо правильно экипироваться. Засовываю катану под пояс слева, туда же короткий меч вакидзаси. Судя по одобрительному кивку Симодзумо – все сделал верно. Финальный аккорд – сажусь на подушку на помосте. Все присутствующие делают мне ритуальный поклон.

Тем временем няньки в комнату заводят ребенка. Два годика, на голове детский пушок. Тотоми берет его за руку и подводит ко мне. Беру на руки. Киётомо узнает папу, улыбается, угукает. У меня в горле стоит ком. Не отец я тебе, а незванный гость в этом теле. И что случилось с настоящим Сатоми Ёшихиро – даже подумать страшно. Но еще страшнее подумать, что сделает с самозванцем родня Ёшихиро. Ребенка уводят, а в комнате новый персонаж.

Худощавый темноволосый мужчина в оранжевой сутане. В руках четки. На голове выбрита тонзура. Глаза живые, умные. Бородка клинышком. Кланяется по-японски, головой к татами. Все кланяются в ответ, но поклон аптекаря еле заметен, а самурай лишь кивает. От священника ощутимо пахнет потом. Странно, я только сейчас замечаю, как чисто и свежо в комнате, где мы сидим.

– Коничива[12 - Здравствуйте (яп.)], – начинаю разговор первым. – Как вас зовут? Откуда вы к нам приехали?

– Коничива, Ёшихиро-сама, – еще раз кланяется священник. – Я – Филипп Родригес. Живу в Кагосиме, это город в княжестве Сацума. Наша христианская миссия здесь проездом, могу я поинтересоваться вашим здоровьем и принести свои соблезнования?

– Спасибо, чувствую себя сносно. Мы все скорбим о смерти отца, – надо как-то поддерживать разговор. – У вас очень хороший японский. Вы португалец?

– Да, сеньор.

– Ваш родной город?

– Синтра.

– О, старая мавританская крепость.

Португалец в шоке:

– Откуда ваша милость знает об истории моего города?!

Наша милость много чего знает. Эйдетическая память – помню практически все, что когда-либо видел. Достаточно разок взглянуть на объект – а в Синтру нас возили на экскурсию в бытность моего летнего отдыха в Испании – все равно что сфотографировал. Есть и минусы у этого явления. Например, считается, что эйдетизм связан с аутизмом, трудностями в установлении социальных взаимоотношений. Вот сейчас мы это и проверим.

– Я хочу поговорить со священником наедине. – Главное – уверенность в себе, и все получится!

Да сколько же они будут переглядываться?! Но приказ есть приказ, и Тотоми, Акитори и Симодзумо молча выходят из комнаты.

– Устед аблас эспаньол?[13 - Вы говорите по-испански? (Исп.)] – Вы бы видели, как вытянулось лицо у священника!

– Конечно, говорю: какой португалец не владеет испанским! Но откуда... как... это просто невообразимо! Сеньор, вы были в Европе?!

Не только был, но и даже успел нахвататься испанских фраз, благо язык простой. Как пишется – так и читается. И наоборот.

– Давайте пока оставим это разговор. – Я подобрался к самому важному вопросу, ради которого пришлось выпроводить местных японцев из комнаты. А то точно оденут меня в смирительную рубашку, если тут ее уже успели изобрести.

– Какой сейчас год по христианскому летоисчислению?

– От сотворения мира или воскрешения Христова?

– Второе.

– Одна тысяча пятьсот тридцать восьмой год.

Тушите свет! Так я и думал. Это прошлое. Я попал в прошлое!.. Вернее, вселился в чье-то тело в далеком прошлом. Все к этому шло. Сначала средневековый антураж комнат, замок, самураи с мечами, отсутствие признаков современной

цивилизации. Слишком сложно для розыгрыша или кино. Я закрыл глаза. Сейчас нужно отвлечься, вспомнить что-нибудь хорошее. Что у нас хорошего в шестнадцатом веке было? А ничего! Россия – задворки Европы. Царь Василий Третий совсем недавно присоединил к Великому Московскому княжеству Псков, Рязань и Смоленск. Иван Грозный – еще подросток, правит его мамаша Елена Глинская, вторая жена почившего Василия Третьего. В прошлом году только-только закончили воевать с Великим княжеством Литовским, с Казанским и Крымскими ханствами – даже еще не начинали.

В Европе сейчас сильнейшая империя, если не считать османов, – Испания. Владеет Португалией, Нидерландами, огромными колониями в Новом Свете. Дожимает инков, попеременно воюет с Францией и Англией. Оплот католицизма и инквизиции. В континентальной Европе – начало Реформации. Набирают силу Франция и Англия. Скоро англичане попросят вон испанцев и португальцев из большинства их колоний. Но тут, в Азии, пока очень сильны позиции тех и других. В Китае клонится к закату империя Мин, португальцы уже отхватили себе в аренду Макао, неплохо укоренились на японском острове Кюсю, где основали торговые фактории – в Нагасаки и других городах. Ударными темпами христианизуют население. Возят из Китая шелк, обратно серебро, на чем делают неплохой бизнес. Некоторые князья и дайме южной Японии уже приняли христианство.

А что у нас происходит в центральной Японии? Я мысленно сделал поклон в адрес своего университетского учителя истории – Соколова Юрия Петровича. Узнав, что в нашей группе половина студентов учит японский, – он не ленился интересно и много рассказывать о Стране восходящего солнца. В Японии началась эпоха Сэнгоку Дзидай – период Воюющих провинций. Все воюют против всех. Сёгуны династии Асикага потеряли контроль над страной, и в результате местные князья сцепились в борьбе за власть. В этой банке пауков выживет три крупнейших экземпляра – их еще потомки назовут «Тремя великими объединителями». Ода Набунага и его приемники – Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Сын небольшого военного предводителя из провинции Овари, Ода Набунага последовательно, в течение двадцати лет, завоюет всю центральную Японию. А его вассалы Хидэёси и Токугава – закончат дело. Будут уничтожены или подведены под вассалитет все более-менее крупные независимые кланы, коих насчитывается ровно десять штук. Такэда, Хаттори, Икко-Икки, Симадзу, Мори, Тёсокабэ, Уэсуги, Ходзе, Датэ, Имагава. И несчитаное количество мелких родов и князей небольших провинций. По ходу, в тело такого князька я и умудрился угодить. ЗА-ШИ-БИ-СЬ!

Глава 3

Бери зонтик раньше, чем промокнешь.

Японская пословица

Всю эту информацию было трудно переварить сразу, и я решил с ней «переспать». Поблагодарил священника, попросил его оставаться в замке, пообещав продолжить завтра. Позвал слуг. Те принесли белое спальное кимоно, закрыли ставни окон, забрали фонарики, и я лег почитать. Почему не отправился к жене? Уж слишком много на меня сегодня обрушилось. Да и в постели человек сильно раскрывается, а оно мне надо, чтобы Тотоми заподозрила подмену? И так местные смотрят на меня с подозрением. Да и с моральной точки зрения – нехорошо. По-сути, для японки я – чужой человек. Еще поворочавшись немного и повертев ситуацию так и эдак, я накрылся одеялом с головой и провалился в сон.

Снилась мне узкоглазая японская собака. Всю ночь она охраняла комнату, внимательно принюхиваясь, прислушиваясь к посторонним звукам. Мне почему-то было с ней очень комфортно и безопасно.

Но вот настало утро, зачирикали птички. Я проснулся бодрым и здоровым. Голова уже не болела. Я снял повязку с головы, ощупал зашитый нитками шрам на виске – отек спал, и заживление шло очень быстро. За окном туман, небо хмурое – собирается дождь.

Пока спал, пришло решение моей проблемы. Вспомнилась сказка о двух лягушках, попавших в горшок со сметаной. Одна перестала барахтаться и утонула. А другая дергалась, дрыгала лапками, пока не сбила из жидкой сметаны твердое масло. Попал я сюда не своим хотеньем, а волей каких-то высших сил, – уж не знаю кто постарался – еще не открытые законы природы, боги... Но нужно барахтаться, утонуть я всегда успею. На родину меня пока не тянет. Я внимательно прислушался к себе – нет, ностальгии по княжеству Московскому во главе с Иваном Грозным я не испытываю. Что он там – медведями любил травить соотечественников? Опричнина, все дела... Спасибо, не надо.

Тоска по родителям есть, и сильная. Поди, убиваются по мне, погибшему во время землетрясения. Девушка моя Наташа тоже, небось, плачет сейчас. Но что я могу изменить? Ничего. Значит, что? Надо попытаться устроиться тут, в Японии. Благо какой-то задел уже есть. Я даже не про «родственников» – это вполне может стать пассивом, если меня раскусят. Я про то, что тело досталось мне не пустое. Кажется, присутствует мышечная память. Иначе как объяснить мои экзерсисы с мечом, которого в прошлой жизни я ни разу не касался? Теперь мне главное – не напортачить. Продолжаю косить под амнезию.

С этими мыслями я оделся, засунул мечи за пояс и вышел из комнаты. Кивнул на поклоны охранников, обул традиционные плетеные сандалии таби и стал спускаться вниз. Четыре пролета – и вот я уже внизу. Что у нас тут? Справа кладовые, слева какая-то комната вроде туалета. Захожу. Точно, ватерклозет. Деревянный настил с дыркой. Рядом лежит горка сухого моха. Я быстро соображаю, для чего. Оправляюсь и выхожу из донжона крепости во двор. Тут все заняты делом – конюхи обихаживают лошадей, слышатся звонкие удары из дымящейся кузницы, на песочной площадке упражняются самураи с деревянными мечами, по стенам ходят лучники... Мое появление не остается незамеченным. Все прекращают работу, упражнения и низко кланяются. Кланяюсь в ответ. Ко мне спешат генерал и жена. Жена сегодня одета в синее кимоно с серебряной вышивкой. Сложной прически уже нет – волосы просто забраны наверх. В руках белый бамбуковый зонтик.

– Доброе утро, Ёшихиро-сама, – улыбается мне Тотоми, – вы хорошо выглядите.

– Вы, Тотоми-сан, выглядите еще лучше. Сама свежесть и красота. – От моего комплимента девушка зарделась.

– Как ваше самочувствие, господин? – Хиро-сан, напротив, был хмур и явно чем-то озабочен.

– Спасибо, хоро... – Разговор прерывается криком. Я оборачиваюсь и вижу, что к нашей группе бежит растерзанный самурай. Вокруг меня тут же собирается кольцо охраны, но бегущий человек и не думает нападать. Он падает в ноги и начинает униженно кланяться. Я разглядываю самурая, и мое недоумение растет. Все японцы, которых я тут видел до сих пор, включая слуг, – чистюли. Опрятно одетые, вымытые, бороды подстрижены... Этот же рыжеволосый парень – прямая противоположность. Серое кимоно испачкано и разорвано на

грудь, голова грязная, лоб не выбрит, косичка завязана небрежно, по щекам текут слезы. Самураи тоже плачут?! Вот уж не думал.

- Пошел прочь, деревня, - толкает ногой генерал распостертого самурая.

- Постойте, - останавливаю я порыв охраны убрать парня с глаз долой. - Чего он хочет?

- Сэппуку[14 - Японское ритуальное самоубийство.] просит разрешения сделать, - презрительно сплюнул Симодзумо. - Этот ксоо[15 - Отходы жизнедеятельности (яп.). Ругательство.] не уберег вашего отца Сатоми Ёшитаку. Наш господин оказал огромную честь этому куску дерьма, поднял из грязи, дал два меча, а он как был деревней, так ею и остался. Он недостойн чести совершить сэппуку. Отправьте его, господин, в деревню эта[16 - Каста париев в феодальной Японии. К ней причислялись люди, занимавшиеся «нечистыми» (согласно буддийским канонам) профессиями: убой скота, снятие и выделка шкур и др.].

- Как тебя зовут? - обратился я напрямую к парню.

- Вы не узнаете меня? Я - Мисаки Мураками, господин, - уткнулся в пыль головой «писатель».

Здорово встретить знакомую фамилию. На меня прямо чем-то родным повеяло.

- После удара копьем я потерял память, - начал я импровизировать. - Ты охранял моего отца?

- Да, нет... Начальник охраны погиб вместе с Ёшитака-самой. Я - замковый мацукэ! Я очень виноват, что не уберег вашего отца, мне нет прощения, - зачистил парень. - Но господин Ёшитака-сама меня не послушал. Я предупреждал...

- Мисаки-сан - глава всех шпионов Сатоми, - шепнула мне на ухо Тотоми. От запаха ее духов - жасмин? сандал? - у меня слегка закружилась голова.

– Отмыть, накормить, привести ко мне... – Тут я слегка запнулся, пытаюсь вспомнить японскую временную шкалу, благо она местами до сих пор используется в современной Японии – в час... обезьяны[17 - С 15 до 17 часов.]. Сэппуку совершать запрещаю.

– А я пока тоже приму ванну и перекушу... – Я огляделся в поисках банного домика. Замок Тиба состоял из двух внешних ярусов, каждый окружен стенами со вспомогательными башнями, в центре внутреннего двора возвышался большой белокаменный донжон в виде японской пагоды.

Кроме хозяйственных построек – кузницы, конюшен и зданий, которые я идентифицировал как казармы, – обнаружился и миленький садик с несколькими павильонами. Туда-то я и направился. Моя свита двинулась за мной.

– Кто вынес меня из боя? – решил поинтересоваться я у генерала, пока мы шли.

– Эмуро Ясино, – догнал меня Хиро-сан. – Позвать его?

Я кивнул.

– Господин, много новостей. Сегодня утром прилетел голубь из Итихары...

Заметив мой вопросительный взгляд, генерал пояснил:

– Это столица провинции Кадзуса, которую ваш батюшка пожаловал своему брату, Сатоми Ёшитойо. Ваш дядя объявил мобилизацию в день Суйё-би[18 - Среда. В Японии дни недели было принято именовать по видимым небесным объектам. Воскресенье – Солнце, понедельник – Луна, вторник – Марс, среда – Меркурий, четверг – Юпитер, пятница – Венера, суббота – Сатурн.].

– А сегодня какой день? – Я себе в памяти сделал зарубку разобраться с системой названий дней недели.

– Гэцуё-би[19 - Понедельник.], разумеется... – Хиро-сан украдкой посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

Тем временем мы пришли в садик, который оказался очень японским: маленький ручеек, впадающий в пруд, покрытый лилиями; небольшой горбатый мостик, украшенный фонариками; дорожки из песка и гравия, выложенные камнями необычных очертаний; множество небольших деревьев, в основном хвойные – миниатюрные сосны и туи, а также я заметил пару ив и кленов. Между деревьями – аккуратно подстриженные кустарники. Внутри сада стояли две постройки. В одной я узнал традиционный чайный домик с верандой, а другая, судя по приглашающему поклону жены, оказалась баней.

– Генерал, вы не составите мне компанию? – махнул рукой в сторону павильона.

У японцев не такие представления о стеснительности, как у европейцев. Вполне нормальным считается париться голым в одной горячей ванне с незнакомцами, в том числе разнополыми, публично мочиться или испражняться, а в современной Японии веб-трансляции родов со всеми подробностями – недавно стало весьма популярным жанром. Я подумал, что за пятьсот лет мало что изменилось, и генерал поймет меня правильно.

Так и случилось. Симодзумо помялся немного, но потом начал развязывать пояс кимоно. Окружение поспешило оставить нас вдвоем. Мы разделись и зашли внутрь домика. Там нас ждали два банщика, больше похожих на огромных сумоистов. Толстопузые, мясистые, с мощными руками. Они поклонились, посадили нас на бамбуковые скамейки и начали намыливать. Я без смущения разглядывал жилистое тело генерала. Настоящий воин – ни грамма жира, несколько шрамов и отметок от ран. И странная татуировка на груди – голова рычащей собаки. Вымывшись, мы с Хиро залезли в огромную бочку, наполненную горячей водой, почти кипятком, и продолжили разговор.

Из общения с генералом я узнал следующее. Помимо погибшего отца, жены и ребенка, у меня есть еще три ближайших родственника. Дядя, мать, живущая в буддийском монастыре, и родной брат Хайра Сатоми. Хайра младше меня на три года и сейчас вместе с дядей срочно скачет в Тибу. Хиро-сан обмолвился ненароком, что Ёшитойо Сатоми – второй человек в местной иерархии. В отсутствие отца именно он замещал дайме клана Сатоми. И теперь мой дядя собирается начать войну с Огигаяцу. Отомстить убийцам отца – дело святое, но вся эта спешка мне показалась странной. Ведь в Тибу послезавтра съедутся главы всех самурайских семей и родов двух провинций.

– Дядя собирается объявить себя дайме Сатоми? – в лоб спросил я генерала.

– Скорее всего, да. – Прямота Хиро мне начинала импонировать. – Все, кто откажется принести присягу новому главе клана...

– ...Им предложено будет совершить сэппуку, – закончил я за самурая.

Мы замолчали, каждый обдумывая свое. Я вытер пот на лице специальным полотенцем и решил расставить точки над «i»:

– Хиро-сан, вы меня поддержите?

– Да, – твердо ответил генерал. – Ёшитойо-сан – бесчестный человек и плохой самурай. Он не следует пути бусидо[20 - Кодекс поведения самурая в обществе, представлявший собой свод правил и норм (быть бережливым, верным, изучать боевые искусства и уметь принять смерть с честью)]. Любит пытать и мучить врагов, а во врагах у него половина провинции. У кого-то отнял запасы риса, у кого-то женщину... Даже если мы присягнем ему на верность, умрем раньше, чем увидим головы Огигаяцу, насаженные на колья. Только ваш отец мог контролировать вашего дядю. Теперь, когда Ёшитаки-сама нет в живых, я уверен, что он ввергнет нас в войну с Ходзе, и это станет началом конца клана Сатоми.

Кое-что начало проясняться. Хиро-сан рассказал, что клан Огигаяцу всего год как стал вассалом крупного дайме – Ходзе Уджиятсу по прозвищу Дракон Идзу. Сам Уджиятсу несколько лет был одним из регентов, правивших от лица малолетнего сёгуна из династии Асикага. В последние годы сёгунат Асикага начал терять контроль над Японией. Ходзе под шумок решили подмять под себя плодородную равнину Кванто – японскую житницу, где выращивают больше половины всего риса Страны восходящего солнца. Около миллиона коку.

Пока вылезали из бани и вытирались, пока появившийся Акитори-аптекарь перевязывал мне голову, я вспомнил, как шутил мой банковский коллега: средней subtilности японец в год съедает около ста пятидесяти килограммов риса – как раз примерно один коку. Миллион коку – это сто пятьдесят тысяч тонн риса. Нехило. Так, с активами все более-менее ясно, хотя и не до конца. Надо выяснить про пассивы, а самое главное – про местные деньги. Ставлю себе

вторую зарубку в память.

Одевшись, мы перешли на веранду чайного домика, где нас уже ждала Тотоми. Тут же служанки, повинуюсь малейшим движениям ее веера, начали подавать еду. Сначала налили в пиалы традиционный зеленый чай, после чего принесли пшеничную кашу на воде, перепелиные яйца, кусочки жареного угря с соевым соусом. Завтрак не помешал генералу и присоединившейся к нему жене вводить меня в курс дела.

На равнине Кванто находятся девять провинций пяти разных кланов. Кадзуса и Симоса – провинции клана Сатоми, Сагами – форпост Ходзе, Мусаси – принадлежит Огигаяцу, но фактически там правит старший сын Уджиятсу – Цунанари Одноглазый. Провинция Мусаси – самая богатая из всех, больше двухсот тысяч коку ежегодного дохода. Для сравнения, Кадзуса и Симоса – обе дают около ста двадцати тысяч коку. Я попросил принести мне письменные принадлежности.

Через пару минут передо мной лежит сероватая бумага, чернильница с черной тушью и кисточка. Притихшие Тотоми и Симодзумо с интересом ждут шедевров каллиграфии. Но боюсь, каллиграфия не входит в число наследуемых от прежнего владельца качеств. А в мою бытность японским банкиром – я практически ни разу не писал иероглифы от руки, в основном на компьютере набивал нужный текст. Нет, при обучении мы проходили написание базовых идеограмм, но честно сказать, это искусство прошло практически полностью мимо меня.

– Когда я очнулся после удара копьем, – ткнул я пальцем в повязку, – в голове родилась идея, как писать цифровые иероглифы короче.

Арабские цифры привели генерала и жену в восторг. Особенно концепция нуля. Как выразился Хиро-сан: ничто в цифрах – это очень по-дзэнски[21 - Дзэн – одна из важнейших школ дальневосточного буддизма, в широком смысле дзэн – это учение о просветлении.]. Тут в Японии вообще любят с пустотой возиться. Во время медитации добиваются пустоты разума, дабы мысли не засоряли ум и не мешали прозрению. Во время боя самураи специально входят в состояние сознания, лишённое мыслей, – это ускоряет реакцию. Быстренько набросав на бумагу цифры в разрезе провинций, я продолжил изучать местную географию, благо вместе с кисточкой и тушью умница Тотоми догадалась приказать принести и карту Японии. Кстати говоря, выполненную очень качественно, в

цветах. С точностью все тоже было о'кэй – Токийский залив нельзя было не узнать. Хотя никакого Токио сейчас и в помине нет, на карте красуется подпись – море Эдо. Полуостров Босо, где, собственно, и располагались две провинции клана Сатоми, деля полуостров практически пополам, – также был очевиден. Слева естественным водоразделом между Симосой и Мусаси протекала и впадала в залив река Эдогава. Справа, уже по территории Симосы, катила свои воды в Тихий океан крупная река Тон. С полсотни деревень, порт, два города, два замка, леса, озера, пяток дорог и часть широкого тракта Токайдо вдоль побережья – вот и все богатство домена Сатоми. Негусто.

Я посмотрел, что у нас сверху. На западе и севере Симоса граничила еще с тремя крупными провинциями. Во-первых, Кодзуке – владения семьи Яmanoути. Из пояснений генерала следовало, с Яmanoути Сатоми уже несколько раз воевали и почти победили, но на сторону врагов стал великий дом Уэсуги, чьими вассалами теперь являются Яmanoути. С Уэсуги мой отец связываться не решился, и война заглохла сама собой. Во-вторых, это провинции Хитачи и Симоцуке. Обе принадлежат клану Сатакэ.

– Матэ[22 - Сигнал остановки схватки в японских боевых искусствах.], – остановил я рассказ Хиро-сана и повернулся к жене: – Твое родовое имя...

– Сатакэ, – улыбнулась мне Тотоми. – Я старшая дочь дайме Сатакэ.

Пожалуй, для начала хватит. Где я – понятно, кто я – тоже разобрались. Надо переварить информацию. А пока я предложил генералу и жене отправиться на прогулку по замку, совмещенную с инвентаризацией.

Глава 4

Мальчик, живущий у буддийского храма, и не учась, читает сутры.

Японская пословица

Первым делом – кузница, благо идти недалеко. Большое здание с несколькими дымящимися трубами, с пристройками, где складирован уголь и железная крица. Заглядываю в самую кузню. Три горна с мехами, пять работников. Навстречу выходит поразительный персонаж. Высокий, практически белокожий мужик, очевидно европеоид, с огромной косматой бородой, усами, густыми бровями. На голове – плетеная повязка, седые волосы завязаны в косичку. Одет в рубаху, штаны и кожаный фартук. В мощных руках – небольшой молоток. Все, что говорит о его «японском» происхождении, – узкий разрез глаз.

– Это наш кузнец, айн Амакуни, – опять на помощь приходит мне жена, – старый друг вашего отца.

– Айн?

– Народ, живущий на Севере Японии.

Почтительно кланяемся Амакуни, он кланяется в ответ. Продолжаем разглядывать друг друга.

– А ты изменился, Ёшихиро, – гудит в бороду айн. – Повзрослел. Говорят, что дети взрослеют, когда умирают их родители. Смерть Сатоми Ёшитаки – большая потеря. Наступают темные времена.

– Амакуни-сан, а каким был мой отец?

Кузнец внимательно оглядывает меня.

– Да, сильно тебе по голове попало. Ёшитака-сан был настоящим самураем. Служил своему роду до самой смерти. Не посрамил честь предков. Мне надо работать.

Айн уходит в кузницу. М-да, тяжело будет с этим кузнецом. Для него я не авторитет. Небось, знает меня с пеленок и в упор не видит во мне главу клана Сатоми. Эту мысль подтверждает и генерал. По его словам, Амакуни – один из двух величайших кузнецов на всей равнине Кванто. Второй мастер – японец Мурамаса, живущий в провинции Хитачи. Именно про их мечи сложили легенду – чтобы сравнить, чей острее, клинки опускали в ручей, по которомуплыли

опавшие листья. Все листья, что прикасались к мечу Мурамасы, оказывались рассеченными на две части. А меч айна – листья оплывали, не касаясь его. Народная мифология в действии.

– И сколько в месяц таких мечей может он делать? – поинтересовался я.

– Один, может, два, – неуверенно ответил Хиро. – Ваш меч он ковал сорок дней. Закачивал в крови, масле...

– А сколько вообще кузница выдает оружия?

Выяснилось, что местное производство иначе как кустарным не назовешь. В Тибете всего две кузницы – одна айновская в замке, другая в городе. Конечно, я тут же решил взглянуть на поселение, поднявшись на стену. Пока карабкались по крутым ступеням, генерал выдал мне всю номенклатуру местной металлообрабатывающей «промышленности». Айн специализировался на оружии. Два простеньких меча или нагинаты в день, пару десятков наконечников для копий и стрел, один доспех в неделю – вот и все мощности. Если нужно много доспехов и клинков сразу – либо куй заранее, либо покупай на стороне. Кузница в городе была побольше и занималась в основном сельхозинвентарем: серпы, косы, топоры и вилы, бытовые предметы – гвозди, ножи. Кроме того городские кузнецы занимались также литьем колоколов из меди.

Судя по моему мечу, оружейники освоили булат – значит, уже умеют науглероживать железо в тиглях. Пора рассказать им о домнах. Благо сам я из Челябинска и за свою прошлую жизнь насмотрелся на эти домны по самое не могу. Примитивную шахтную печь для выплавки чугуна спроектировать смогу. Будет чугун – будет массовое производство чего? Доспехов из него не сделаешь, оружия тоже. Можно лить пушки! Шестнадцатый век на дворе – европейцы уже используют огнестрельное оружие. Вместе с португальцами оно проникает в Японию. Примитивные мушкеты, штуцеры, пищали – это все пока не конкуренты мечам, лукам и копьям. Пушки тут тоже пока очень незатейливые и ненадежные, но кое-какие мысли о прогрессе в военной области у меня начали появляться. Только до этого прогресса дожить надо!

Вид со стены открывался отличный. Замок стоял на холме, окруженный неплохим рвом с подъемным мостом. Погода развиднелась, и я с удовольствием

разглядывал окружающий пейзаж. Он был типично японским. Судя по виденной мной карте, замок ориентирован воротами на запад. Слева в дымке виднелось синее море, справа в долине раскинулся средних размеров городок, окруженный все теми же заливными полями с рисом. Из замка вели две дороги – одна на север через поселение, другая на юг. Город производил впечатление обширного – я насчитал десять кварталов по сто с лишним домов каждый, с центральной площадью, колокольной. Я обогнул замок по стене, осматривая баллисты и скорпионы и отвечая на поклоны самураев. Встал на торцевой стене. Отсюда была видна небольшая деревенька и несколько холмов, поросших лесом. К востоку местность явно начинала повышаться и становиться более изрезанной.

Когда мы с генералом спускались со стены, я обнаружил в кладке полость с железной чашей и металлическим шариком внутри. На предмет культа эта инсталляция похожа не была, и я поинтересовался у Хиро-сана, для чего в стену запихнули пиалу с шариком. Причина оказалось вполне банальна – если враг осадил замок и делает подкоп, чаша будет резонировать и дрожать, шарик ударяться о стенки и порождать звон. Тогда защитники начинают в этом месте рыть встречный подкоп, чтобы обвалить вражеский.

Мы продолжили обход владений. Вторая остановка произошла возле казарм. Семь зданий барачного типа, крытых черепицей, выстроенных буквой «П». Посредине плац и что-то вроде спортивного городка – небольшое стрельбище для лучников, с полсотни врытых в землю макивар[23 - Устройства для отработки ударов.] (снопы соломы, перевязанные веревками, надетые на столбы), еще какие-то деревянные тренажеры для занятий воинскими искусствами, которые тут называют одним словом – будо. Насколько я понял, в будо входит: стрельба из лука (кюдзюцу), владение копьем (содзюцу), владение мечом (кэндзюцу), верховая езда (бадзюцу) и самооборона без оружия (дзюдзюцу). Последним искусством в бытность мою студентом я даже успел позаниматься и дорасти до зеленого пояса. Впрочем, мне это сейчас ну ничем не поможет, и я продолжил осмотр.

Вся площадь была просто забита занимающимися самураями. Сотни мужчин – молодых и не очень – отрабатывали удары мечом и проводили спарринги на деревянных клинках, стреляли из двухметровых луков по мишеням, занимались борьбой на рисовых татами. То тут, то там собирались кружки людей вокруг учителей, которые медленно показывали особо сложный прием или движение.

Я вытащил свою шпиргалку и начал уже подробно пытаться генерала на предмет вооруженных сил Сатоми. Картина складывалась следующая. Самой мелкой военной единицей был десяток, или ка (огонь). Назывался он так по числу самураев, которые могли поместиться вокруг костра, – десять человек. Возглавлял ка – десятник, самый авторитетный воин в отряде, выбираемый раз в году. Десяток имел свое артельное хозяйство, кассу взаимопомощи, лошадей и даже иногда слуг. Пять ка составляли полусотню (тай), ею командовал пятидесятник (тайсэй). Пятидесятников назначал лейтенант сотни (рё) – рёсуй. Сотни делились на конные и пешие. Пешие в свою очередь – на самураев с мечами и копейщиков. Конница также делилась на тяжелую (с мечами) и легкую (с копьями или луками). Были еще отряды лучников и новомодных аркебузирова, стрелков из дульнозарядных фитильных ружей. Впрочем, у Сатоми аркебузирова практически не было по причине бедности. В нынешней Японии огнестрельное оружие – дорогое и редкое удовольствие.

Десять рё – тысяча – составляли бригаду, или тайдан. Командовали бригадами генералы – тайсё. Были еще малые бригады – в несколько сотен самураев. Во главе их стояли капитаны – касира. Во время войны несколько тайданов образовывали армию, которой управлял верховный воевода, или сёгун. От этого имени и пошел титул административного главы Японии.

Рассказывая мне все это, тайсё Симодзумо Хиро тяжело вздыхал, теребил рукоять меча – в общем, переживал за своего несостоятельного дайме, который не знает даже самых простых вещей. Но я включил максимальную дотошность – от этих знаний зависит моя, да и не только моя, жизнь. В результате удалось выпытать из генерала еще порцию любопытной информации.

Во-первых, про численность армии Сатоми. Она оказалась невелика. В двух замках жили и служили три тысячи двести самураев. Две тысячи в Тибете и чуть больше одного тайдана в Итихаре, дядюшкиной вотчине. Сейчас эта тысяча движется к месту сбора войск.

Во-вторых, и самураи в Тибете, и в Итихаре именовались «дзикасидан», т. е. личное войско дайме. Часть жила в замках, часть находилась на патрулировании, в том числе на границах провинций, остальные были расквартированы по близлежащим городам. Были еще куни-сю – сельские отряды, в которых состояли провинциальные самураи из небогатых семей. Они тоже должны вот-вот появиться под стенами замками. Об их численности приходилось только догадываться. Генерал использовал метод экстраполяции –

в прошлую мобилизацию село поставило в армию около двух тысяч человек. В основном пешие самураи, вооруженные мечами и копьями. Конные отряды и лучники были практически все из дзикасидана, и их число не воодушевляло: пять рё конницы и две – лучников.

И наконец в-третьих, генерал с презрением обмолвился об яри-асигару – копейщиках из числа крестьян. Некоторые дайме, изменив пути бусидо и предав самурайскую честь, не говоря уж о чести предков, начали призывать на военную службу и вооружать крестьян. Им выдавалось копье с перекладиной и простенькие бамбуковые доспехи. Крестьянские отряды строили в плотную линию, передний ряд вставал на колени, упирал копье в землю и эта стена пик становилась непроходимым препятствием для конницы.

Генерал, и не без оснований, полагал, что искусственная милитаризация земледельцев приведет к крестьянским восстаниям и вообще к потере самурайского духа. Озвучил массу примеров. Я вежливо покивал, но метод взял на заметку. Что такое армия в пять тысяч мечей (копий), когда враги, по утверждению самого Хиро, могут выставить войск в два – три раза больше?

Пришло время от теории перейти к практике. Меня с самого «прибытия» интересовал вопрос возможностей моего тела. Всплеск мышечной памяти в главном зале донжона позволял думать, что я могу управляться с мечом. А как быть с копьем и луком? Все это надо проверить, дабы не попасть впросак. Я попросил генерала объявить соревнования по стрельбе из лука. Он подозвал к себе худощавого помощника в сером кимоно с эмблемой клана Сатоми, отдал распоряжения, и мы, сопровождаемые поклонами самураев, проследовали на стрельбище.

Слуги быстро повесили на столбы, метрах в тридцати от нас новые мишени из спрессованной рисовой соломы, диаметром сантиметров тридцать – сорок. На мишенях были нарисованы три белых круга, один меньше другого. Вместе со мной в линию встали еще семеро самураев с луками, нас начали окружать ближние солдаты. Я одел специальную жесткую перчатку на правую руку, перекинул через спину колчан с шестью бамбуковыми стрелами и взял в руки оружие. Размер лука впечатлял – по моим прикидкам, он был больше двух метров. Причем рукоять делила лук не пополам, а в пропорции один к двум. Верх был больше низа. Скопировал позу соседей – выдвинул левую ногу вперед, опустил плечи. Закрыв глаза. И вот оно! То состояние, в которое я вошел вчера днем. Полный покой, энергия струится через все тело снизу вверх. Меня

наполняет уверенность и сила. Руки сами знают что делать. Я – лишь наблюдатель. По сигналу – удару небольшого колокола – я мгновенно выхватил первую стрелу и послал ее в самую левую мишень. Пока остальные самураи натягивали тетиву, я пулеметом успел выпустить пять оставшихся стрел последовательно слева направо.

Раздался общий вздох и сразу крики восторга. Мои стрелы торчали в центре шести из семи мишеней.

– Вы превзошли учителя, господин, – низко поклонился мне пожилой самурай.

Низенький, с залысинами, лицо испещрено морщинами, нос картошкой, под носом жесткий пучок усов – пройдешь, не заметишь. Самурай взял у меня лук, положил несколько стрел в колчан – и вдруг без предупреждения с разворота стал всаживать их в мишень. Стрелы ложились в пятак, а последняя даже расщепила воткнутую стрелу. Еще один восхищенный выдох.

– Это ваш учитель кюдзюцу, касира всех лучников Сатоми Касахара Мотосуги, – пояснил мне Хиро-сан.

Мы двинулись дальше, к копейщикам. Тут бал правил высокий, жилистый Таро Ямада. Улыбчивый самурай с длинной косичкой легко крутил шест бо, отмахиваясь сразу от пятерых учеников. Те пытались его взять и поодиночке, и скопом, но он легко ускользал, выстраивая нападавших в линию. Как объяснил мне генерал, под начало Таро отдают всех копейщиков, которых бывает одна, максимум две тысячи человек, но титула тайсё, то есть тысячника, Ямада пока не получил. Во-первых, один тайсё – сам Симодзумо Хиро – уже в армии есть, а во-вторых, мой отец считал, что мало самому виртуозно владеть копьем, нужно хорошо уметь управлять такими массами людей, а вот с этим у Ямады были проблемы. Так, особого желания махать шестом у меня не возникло, мы пошли к мечникам.

Вот тут я встал надолго. Какого упражняющегося самурая ни возьми – каждый просто виртуоз. Один лысый толстячок, раздетый до пояса, стоял посреди воткнутых веток. Неожиданно он одним плавным, но стремительным движением выхватил из-за пояса катану и, не останавливаясь ни на секунду, принялся шинковать стебли бамбука. От каждой ветки отлетал кусок шириной с палец, и через минуту от бамбука остались одни опилки. Другой боец с двумя

деревянными мечами отмахивался сразу от семерых учеников. К нам с поклоном подошел еще один японец. Назвать его субтильным не поворачивался язык. На голову выше меня, квадратные плечи, грудные мышцы прямо разрывают кимоно на груди. Я уже привык к круглолицым мужчинам – этот же никак не укладывался в общепринятый канон. Мощный подбородок и скулы, нос с горбинкой. Черные раскосые глаза как два дула смотрят в упор.

– Давненько вас не видел, Ёшихиро-сан, соскучились по тренировке? – почти с оскорбительной усмешкой спросил самурай.

– Это наш самый известный мечник Сатоми, моя правая рука, касира Танэда Цурумаки, – встал между нами генерал. – Имел честь учить вас кэндзюцу.

– Да, Ёшихиро-кун[24 - Сама – самый уважительный суффикс. Употребляется по отношению к людям, старшим по возрасту, должности и так далее; сан – уважительное нейтральное обращение; кун – суффикс для более близких знакомых мужского пола, обычно употребляется среди одноклассников или коллег по работе равного ранга; тян – самый мягкий суффикс, используется при очень близком знакомстве, в основном при обращении к девушкам и детям.], гонял я тебя славно – закатил глаза в воспоминаниях Цурумаки. – И сейчас бы погонял, кабы не твоя рана. Бо-бо, наверное?

– Соберите самых лучших мечников, – коротко распорядился я, не отвечая на подначки Танэды.

Этим людям можно доказать что-то только делом. Болтовню такие бойцы уважают мало. Я скинул кимоно, выбрал из стойки первый попавшийся деревянный клинок. Крутанул в кисти. Пойдет. Сел на колени, закрыл глаза. Сейчас мне понадобится все наследство Ёшихиро – от и до. Успокоил дыхание, очистил разум от лишних мыслей и переживаний. Почувствовал энергию ки, которая текла внутри меня. Я готов.

Вокруг уже собралось человек десять, включая толстячка-рубанка и обоерукого бойца.

– Танэда-сан, – обратился я к ухмыляющемуся самураю, – будьте так добры, завяжите мне глаза вот этим поясом.

Усмешка сползла с лица Цурумаки:

– Ёшихиро-сан, вы уверены в своих силах?

Ага, уже не кун, а сан.

– Разрешаю лично поучаствовать и проверить мои силы. Нападайте все сразу, поодиночке – мне все равно. Получивший удар по телу – выбывает.

Раздается удивленный гомон самураев. С завязанными глазами, да еще против десяти лучших мечников... Цурумаки завязал мне глаза – и я смело вошел в круг, который создала собравшаяся толпа.

– Всем тихо, – громко приказал правая рука генерала.

Я полностью расслабился, вдох – выдох, вдох – выдох. Вселенная медленно вошла в меня. Мне не нужны были глаза, чтобы видеть моих укэ[25 - Спарринг-партнер в яп. боевых искусствах.]. Я чувствовал их запах, слышал скрип суставов, ощущал напряжение мышц. Они медленно окружали меня, принимая удобные стойки. Начать решил обоерукий. Я почувствовал, как напряглась его опорная нога, скрипнул песок под таби, но я не стал ждать рывка. Кувырком назад сократил расстояние и при выходе из кувырка провел мгновенный укол клинком вспять в туловище самурая. Раздался стук соприкосновения дерева с грудной костью, и обоерукий с руганью отскочил назад. Тут же два его соседа попытались взять меня полулежащего в клещи. Я услышал справа свист воздуха, рассекаемый боккэном[26 - Деревянный меч, используемых в кэндо для тренировок.], парировал его своим клинком и мгновенно перекатился в ноги левого бойца, который только замахивался мечом. Перекатываясь, я успел свободной рукой ударить самурая в пах. Благо тот стоял в широкой, «лошадиной» стойке. Попал не очень удачно, но товарищу этого хватило. Его скрючило, из горла вырвался стон, и тут же раздался крик Цурумаки:

– Вышел из круга, ты убит.

Формально он еще не убит, но это уже не имеет значения. Продолжать схватку не может. Минус два, опять скрип подошв вокруг меня.

Решился толстячок-рубанок. Мгновенный подскок, взмах боккэном, я блокирую – и тут же прижимаюсь к нему, не давая разорвать дистанцию. Он давит своим мечом, а сзади уже замахивается еще один самурай. Бью лбом в нос толстяка, слышится хруст носовой перегородки, он отшатывается, я шагаю вслед и возвратным движением, присев в низкую стойку, полосую клинком назад. Самурай, который целил в меня, из-за нашего совместного с «рубанком» шага вперед, проваливается и получает моим боккэном по шее. Минус три. Толстяк, потеряв выдержку, с криком бросается вперед, но я обкатываю его вертикальный удар, прижимаясь боком к боку, и тут же делаю неожиданный выпад влево. Там в ступоре застыл боец, который даже не успевает заблокировать мой удар. Осталось шесть. Я чувствую страх пятерых из них. Мое обоняние обострилось настолько, что я различаю запах пота каждого из них. Единственный, кто меня не боится, – это Цурумаки. Он-то и решается скоординировать своих коллег:

– Ну-ка! Все разом, по моей команде!

Ага, шаз. Буду я ждать твоей команды. Кончик моего таби цепляет небольшую кучку песка, и я швыряю ее навстречу «рубанку». Его меч слегка запаздывает, и мой боккэн попадает по ребрам. Я перехватываю выпадающий из руки меч и тут же, раскинув руки в стороны, встаю на шпагат. Два укола для двух резвых самураев, бросившихся ко мне с двух сторон. А вот не надо так широко размахиваться. Тут же происходит еще один быстрый обмен ударами с двумя бойцами, боккэны сталкиваются со звонким стуком. Мне удается попасть по пальцам правого самурая, и он с криком бросает меч. Левый получает по ногам и тоже выбывает из игры. Остается один Цурумаки. Он не торопится, обходит меня по часовой стрелке.

Я решаюсь сравнять шансы и отбрасываю в сторону второй боккэн. На площади царит мертвая тишина. Все, затаив дыхание, смотрят на нас. Я уже прилично устал, а от резкого шпагата у меня болит в паху. Как бы не было растяжения.

Я чувствую озадаченность Цурумаки. Он никак не может выбрать стратегии схватки со мной. То поднимет меч вертикально у правой стороны головы, то опустит его вдоль средней линии туловища. Двигается вперед он всегда с правой ноги, медленно подтягивая левую.

Внезапно он рванул с криком ко мне, метя клинком в лицо. Я поставил жесткий блок, мы вошли в клинч, и тут же получил локтем в голову. Успеваю убрать лицо

и подставить лоб, но на мгновение теряю ориентацию, и Цурумаки хитрым движением закручивает мой боккэн и выбивает его из рук. Все, что мне удалось, – это поднырнуть под добивающий удар и прихватить локти самурая. Я тут же сделал переднюю подножку и повалил Цурумаки на землю. Схватка перешла в партер. Мечом действовать мой укэ уже не мог и попытался боднуть меня макушкой. Я отпустил его локти, тут же получил несколько смазанных ударов кулаками, но успел всунуть руки под отворот кимоно и резко стянуть воротник. Цурумаки захрипел, попытался освободиться от удушающего приема – я же только сильнее сдавливал его шею.

– Матэ! – громко приказал генерал, и я отпустил задыхающегося капитана-касиру.

Встал, снял повязку, отряхнулся. Подал руку Цурумаки и помог встать. Вся площадь смотрела на меня квадратными глазами. Танэда первый сгибается на девяносто градусов и застывает в поклоне, все остальные тут же повторяют его движение. Кланяюсь в ответ. Ухожу победителем под восторженные крики «Сатоми» и «Кэнсей[27 - Почетный титул, дававшийся воину за искусное владение мечом.]».

Глава 5

Пятьдесят сегодня лучше, чем сто завтра.

Японская пословица

Остаток дня проходит тяжело. Учебная схватка с самураями забрала много сил, и я уже почти равнодушно инспектирую конюшни, родовое святилище Сатоми с фигурками пузатых божков и ароматическими палочками на основе бамбуковой щепы, склады. Запасы Тибы впечатляют – стратегический резерв риса, вяленой и соленой рыбы, маринованных слив и прочих продуктов позволяет держать год осады из расчета на две тысячи самураев. Просторные подвалы донжона просто забиты мешками, связками, коробами. Арсенал замка также заполнен доспехами и холодным оружием. Знакомлюсь с казначеем Тибы. Это бывший монах с обритой наголо головой и хитрыми глазами. Зовут Сабуро Хейко. Подчиняется, как ни странно, моей жене, которая заведует всеми финансами. Беру у него

свиток с описью мечей, копий и прочего колюще-режущего инвентаря. Двести доспехов, триста мечей, сто луков и даже три аркебузы с бочонком пороха. Есть приспособление для литья пуль из свинца. Негусто. Но и не пусто.

Поднимаемся в сокровищницу. Ее охраняют два самурая, которые уже каким-то образом проведали о моей победе и просто едят меня глазами. Их поклоны – образец вежливости и уважения. Сабуро отпирает железную дверь, и мы входим в небольшую комнату. Окон нет, и казначей зажигает свечи. Помещение уставлено ящиками и деревянными полками. На полках – архив Сатоми. Переписка с соседними дайме, императорским двором, различные акты гражданского состояния (кто родился, женился, умер...). Кроме того, здесь же лежат долговые расписки, важные договора.

Во мне просыпается банкир, и я немного оживаю. Подробно расспрашиваю казначея о богатстве клана Сатоми, а также о местной денежной системе. Сабуро уже предупрежден о моих «заскоках» и, потев от усердия, просвещает меня по полной.

Выясняется, что с деньгами в Японии полный бардак. В ходу медные, серебряные и золотые монеты разного веса и разной чеканки. Есть привозные из Китая, есть императорские и, конечно, клановые – редкий дайме не чеканит собственных монет. Но уже и выработался некий стандарт. Во-первых, общепринятым средством расчета и накоплений стали золотые монеты кобаны. Казначей открыл одну из коробок, где столбиком лежали золотые овалы, и я взял в руку одну монету. Легкая, граммов пятнадцать – двадцать навскидку, с полустертыми иероглифами.

Курс «свиней», как для себя я окрестил монеты, колеблется в районе двух – трех коку риса, то есть около четырехсот пятидесяти килограммов. В урожайные годы курс падает, в голодные – растет. Я еще раз взвесил монетку в руке. И вот такой свинюшкой можно кормить трех человек в течение года? Кроме золотых кобанов, в Японии ходят и более «дорогие» монеты, обаны. Номинал обана был в десять раз больше, чем кобана, и на вес они также раз в десять были тяжелее. Я покачал в руке монету – да, такой денежкой и убить можно, если кинуть посильнее.

Затем Сабуро подал мне какие то бумажные свертки, в которых что-то звенело. Это оказались цуцуми кингины – серебряные свертки. Свертки были опечатаны, и, как оказалось, изготавливались особыми семьями, приближенными к

императору. Сначала их делали в подарочных и наградных целях, но авторитет семей и доверие к упакованным внутри монетам был настолько велик, что нынче цуцуми кингины повсеместно использовались и для расчетов. Причем продавцы-покупатели никогда не разворачивали и не пересчитывали монеты в свертках. Я взвесил в руке мешочек. Почти кило серебра.

К меди казначей относился пренебрежительно – выдвинул пару ящичков, в которых были навалены медные монеты моны. Курс моны шел как одна стопятидесятая коку. Зато большое почтение у Сабуро вызывали бумажные деньги. Оказывается, были тут и такие. Эмитировал ямада хагаки синтоистский храм в Исэ. Представляли собой они фактически векселя, в которых гарантировался обмен бумажных денег на золотые или серебряные оговоренного номинала и веса. В сокровищнице Сатоми было всего две подобные бумажки на пятьсот обан каждая.

А всего золота, серебра и меди тут хранилось аж на 100 тысяч коку! Когда я узнал финальную цифру, признаться, слегка обалдел. Это почти годовой доход двух провинций. То ли отец был весьма экономным, то ли дела у Сатоми шли в гору, но клан оказался весьма богатым.

Уже на выходе из сокровищницы мне была с поклоном вручена круглая медная печать Сатоми с изображением головы собаки (и тут опять собака!) и надписью «Делами славен». Я подвесил ее на пояс, продев шнурок за специальное ушко. Интересно, а как Сабуро отреагирует на вторжение моей руки в один из ящичков, где лежали китайские монеты с дырками? Ничего не сказал. Я вытащил одну золотую монету, на которую у меня были планы.

Финансы финансами, а обед по расписанию. Спускаемся в сад, казначей отпрашивается по своим делам, а я следую по привычному маршруту в чайный домик. Там на веранде уже накрыто, и меня ждет жена с незнакомым самураем. Японец выглядит неважно – подвешенная к груди рука, пятна крови, проступающие через повязку на плече. Лицо покрыто оспинами – ямками, оставшимися после болезни, взгляд уставший и печальный. На вид ему под сорок, но с азиатами возраст угадывать тяжело. Они долгое время выглядят молодо, зато потом очень быстро старятся.

Жена активно ухаживает за самураем, наливает чай, подвигает пиалы с едой. Оба кланяются мне, самурай с незаметной болезненной гримасой. Оно и понятно. Показывать своему сюзеру слабость и боль – не в обычаях самураев.

Тотоми, предупреждая мой вопрос, представляет мужчину – это тот самый Эмуро Ясино, что спас меня после удара копьем. Интересуюсь его здоровьем. Конечно, оказывается, что рана пустяковая и господину не следует беспокоиться таким незначительным вопросом. Прошу жену вызвать для осмотра Эмуро-сана нашего аптекаря-врача.

– Расскажите, как все произошло, – начинаю тяжелый разговор первым.

– Все случилось днем возле леса у озера Сакано. Нас было два ка охраны, вы с господином дайме и два сокольника. Ваш дядя рассказывал прошлым месяцем, что в лесу водятся перепела и тетерева, вот Ёшитака-сама и решил опробовать двух новых ястребов.

– Значит, этот лес посоветовал для охоты Ёшитойо-сан, – уточнил я у охранника дайме.

– Да, он же и ястребов подарил вашему отцу.

Ох, ни фиги себе раскладец получается.

– Господин дайме запретил брать большую свиту, сказал, что начался сезон высадки риса и не стоит вытаптывать посевы крестьян. И так в этом году пришлось поднять сборы, зачем лишний раз злить черноногих?

– И что было дальше?

– Дальше начальник охраны господин Оки приказал выслать передовой дозор, с ними поехали сокольничьи. Скоро один из них вернулся. Он нашел место, где токовали тетерева. Мы направились туда. Оки-сан начал волноваться, потому как дозорные пропали. Еще два самурая поехали к опушке леса – и тут из зарослей выскочили конные всадники. Все в доспехах, с копьями, у одного флаг Огигаяцу. Вы, господин, заорали, вытащили меч и бросились на врага. Ваш отец...

Тут самурай замялся, подбирая слова.

– ...Ваш отец, крикнул «Назад, глупец» и бросился вслед. Ну а мы все за ним. Огигаяцу не успели разогнать лошадей в галоп, но копыта против мечей...

Эмуру помолчал, выпил чаю и продолжил:

– В свалке вас по касательной ударили в голову, я успел подхватить ваше тело к себе на лошадь и тут же дал шенкелей. Кобыла у меня была свежая, и удалось ускакать, хотя за нами гнались и стреляли из лука. Одна стрела попала мне в плечо. В соседней деревне стоял гарнизон самураев дзикисидан, рёсуй сотни меня знал и быстро организовал прочесывание. Место схватки мы нашли быстро, люди Огигаяцу смогли уйти и забрать тело вашего отца.

– Так, может быть, отец еще жив?

– Когда я последний раз обернулся, – опустил голову Эмуру, – его голову уже насадили на пику.

Самурай опустил голову и мрачно уставился в пол.

– Мы, вассалы Сатоми, даже не можем попроситься с Ёшитакой-сама. Какой позор! Господин, я очень виноват, что сбежал с поля боя, мне нет прощения. Я очень прошу разрешить мне смыть бесчестье и уйти в пустоту.

Вот, блин, нация самоубийц! В какой еще стране придумают столько разнообразных причин к суициду? Дзюнси (самоубийство из верности), фунси (самоубийство в знак протеста), канси (как упрек своему господину за его поведение) и т. д. и т. п. Как что не так, как моральная проблема – сразу животы резать. Взять того же Эмуру. Человек спас сына дайме, был ранен и при этом все равно чувствует вину за то, что не умер на поле боя. Насколько же въелись в кровь японцев эти «гиму» и «гири». Люди на островах живут, окруженные загонами и оградами бесконечных обязательств. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Причем в добровольном порядке. Если гири – аналог взаимного альтруизма (я должен тебе потому, что ты делаешь что-то для меня) – еще туда-сюда, то гиму – бесконечный неоплатный долг, в состоянии которого живет средний японец и по сей день, – мне совсем непонятен. Ты еще только родился, а уже по гроб обязан семье (что понятно), родственникам (почти понятно), сюзерену (ладно, сделаем скидку на сословное общество), императору (ему-то с какой стати?), предкам и нации в целом... По мне, такое моральное мышление

направлено в прошлое и носит уж очень односторонний характер. Если общество ставит во главу угла долг перед другими, то пусть это будет лучше долг перед своими детьми, чем перед предками и абстрактным народом и императором. Не это ли является залогом прогресса, в том числе и социального?

- Так. Сэппуку делать не разрешаю. Вашей вины в том, что мой отец с охраной попали в засаду, я не вижу. Вы спасли мне жизнь, я вам за это благодарен. Назначаю вас, Эмуру Ясино, начальником своей охраны и жалую медалью за доблесть.

Вручаю самураю золотую китайскую монету. Тот, шокированный, кланяется до полу.

- Но это еще не все, - я поворачиваюсь к Тотоми: - Какой доход у семьи Эмуру?

- Двадцать коку в год, - без запинки отвечает жена.

- Я удваиваю ваше содержание. Выздоровливайте и займитесь организацией моей охраны. Подберите верных самураев, держите связь с мацукэ замка, чтобы история с засадой не повторилась. Если вы, я совершим сэппуку - значит, Огигаяцу победили. Ибо некому будет отомстить врагам.

Этот аргумент самурай принимает благосклонно, мщение - это японцам близко и понятно. Христианские заповеди из разряда «подставь другую щеку» тут еще долго не приживутся.

Так, одно дело сделано. После обеда ко мне приводят «писателя». Выглядит Мисаки Мураками значительно лучше - опрятное кимоно, выбритая макушка, чистые волосы и правильная самурайская косичка.

- Как вышло, что такого молодого парня назначили замковым мацукэ? - поинтересовался я для начала у рыжего самурая.

- Я сам сирота, из крестьян, - начал свой рассказ «главный шпион», - родители умерли от чумы. Жил я у двоюродной тетки, на птичьих правах. В шесть лет меня усыновил господин Цугара Гэмбан, который был проездом через нашу деревню. Чем-то я емуглянул, и верховный мацукэ Сатоми не только выкупил

меня у семьи тетки за полкоку, но и официально признал своим сыном. С самого раннего возраста Цугару-сан начал меня учить всем премудростям нашей профессии.

Из дальнейшего рассказа «писателя» выяснилась просто эпическая картина шпионской деятельности Сатоми. Разведслужба клана была поставлена на широкую ногу и включала в себя как органы по обеспечению внутренней безопасности, так и обширную агентуру за пределами домена. Цугара Гэмбан не поленился в специальном трактате классифицировать все возможные угрозы для Сатоми. По степени значимости к ним относились: 1) военные вторжения, сабатаж и диверсии со стороны враждебных соседних кланов; 2) предательство союзников, вассалов; 3) восстания крестьян или самураев; 4) внешняя угроза со стороны (христиане, пираты вако...); 5) мятежи и подрывная деятельность буддийского духовенства и насельников монастырей; 6) потеря расположения императорского двора, или сёгуната Асикага.

По первому пункту угроз Цугара Гэмбан, а затем и Мисаки Мураками проделали огромную работу. Были внедрены десятки агентов во все соседние кланы – Ходзе, Имагава, Огигаяцу, Яманоути, Уэсуги, Сатакэ, Датэ и др. Внедрялись агенты, используя легенду прикрытия, именуемую о-нивабан – «садовник». Именно на должности садовника замка, городского парка очень удобно следить за перемещениями войск, закупками оружия, ремонтом укреплений и т. п. Кроме нелегалов, у Сатоми были и полулегальные разведчики. Дайме участвовал капиталами в двух крупных торговых домах – Нийо Джинья и Самуёши Таиша. Те в свою очередь имели в каждом крупном городе соседних провинций официальное представительство. Где, как нетрудно догадаться, трудились агенты Цугары Гэмбана. Связь осуществлялась через тайники и голубиную почту, активно использовались различные коды и тайнопись. Однако внешняя разведслужба не только занималась пассивным сбором информации. Из нанятых ро?нинов[28 - Деклассированные самураи феодального периода Японии, потерявшие покровительство своего сюзерена либо не сумевшие уберечь своего господина от смерти.] было сформировано три штурмовых отряда по двадцать человек в каждом. Их готовили к совершению силовых акций – захвату ворот замков, убийству высокопоставленных чиновников и вражеских генералов. Каждому ронину было обещано наследственное дворянство и поместья в землях Сатоми.

Внутренняя безопасность также базировалась на агентуре. За всеми более-менее значимыми фигурами обеих провинций велась слежка. Шпионы Гэмбана проникли как в свиту Ёшитойо Сатоми, так и в окружение всех крупных военачальников, включая Хиро. В основном это были слуги, повара, конюхи. Под особым контролем состояли злачные места, как-то: игорные дома и Ивовый мир. Под последним подразумевался квартал красных фонарей, состоявших из так называемых «окия». Окия – это не просто чайный домик, где гейша принимает гостей. Это, можно сказать, целое артельное хозяйство со своей общиной (ученицы, пожилые гейши, парикмахеры, массажисты...), активами (дорогие кимоно, драгоценности), пассивами (налоги, обучение), постоянной клиентурой. Вопреки моим представлениям, самыми ценными агентами были вовсе не гейши, в чьи обязанности, как оказалось, вовсе не входил секс с клиентами, а юдзё – проститутки. Именно в их присутствии развязывался язык мужчин и пополнялся архив мацукэ.

Да-да, японский образ жизни подразумевал полный учет и контроль, в том числе и в сфере безопасности. На каждую важную личность было заведено досье, куда заносилась вся существенная информация. Тотальный учет, кстати, помогал искать убийц и воров, выявлять фальшивомонетчиков и мошенников – все эти полицейские функции также вменялись в обязанности мацукэ.

Разумеется, я тут же захотел ознакомиться с этим секретным архивом. Но, уняв зуд любопытства, решил сначала дослушать рассказ Мураками.

По его словам, когда Цугара Гэмбан пропал во время секретной миссии в землях Ямоноути, Ёшитака Сатоми просто назначил Мисаки временным исполняющим обязанности главного мацукэ. Мол, Цугара объявится – он обязательно выкрутится! не тот человек, чтобы дать себя убить, – и все вернется на круги своя. А пока читай донесения агентов, следи за Ёшитойо, Ходзе и Огигаяцу – и вообще, что называется, держи руку на пульсе. И вот уже полгода Мураками тянет лямку начальника местного КГБ. Проблема только в том, что политического веса у «писателя» имелось меньше чем ноль. Если Цугара Гэмбан был сам легендарным шпионом, то Мисаки воспринимался дайме скорее как его сын, чем как специалист по секретным операциям. Глава клана интересовался тайными делами мало, в последние два месяца Ёшитака вообще лишь трижды удостоил мацукэ аудиенции. Последняя встреча была аккурат перед злосчастной охотой. Мисаки зачитал дайме донесение агента Окуня о том, что переправу через реку Эдогава прошел очень странный караван купцов, в составе которого тот узнал нескольких гвардейцев клана Огигаяцу. «Зачем торговцам

боевые кони и зачем самураям представляться негоциантами?» – спрашивал Окунь. А за тем, что планируется какая-то диверсия, – сообразил Мисаки и просил главу клана воздержаться от поездок за пределы замка. Ёшитака на этот донесение лишь махнул рукой и сказал, что ни один самурай не опустится до того, чтобы наряжаться купцом.

Были сигналы и в отношении брата дайме, который последние годы стал жить на широкую ногу, держать в своем окружении подозрительных личностей и вообще тяготился своей второй ролью в клане. Наконец, глава тэмбан – «сопровождающих стражей дайме» – погибший Умэда Оки последние полгода начал здорово закладывать за воротник и поверхностно относиться к своим обязанностям по охране Ёшитаки Сатоми. Ночное дежурство в покоях велось спустя рукава, превентивные меры по охране маршрута следования не предпринимались, плановая переподготовка и ротация секьюрити вообще не проводилась. Менять Оки Ёшитака отказался и еще попенял Мураками за то, что тот лезет в личную жизнь верного вассала.

«И чего тут удивительного, – подумал я, переваривая всю эту информацию, – что однажды дайме просто убили? Странно, что Ёшитаку не подвели под монастырь полугодом раньше».

– Мисаки, а ты уверен, что в замке нет шпионов Ходзе или Огигаяцу? – осторожно поинтересовался я.

– В замке нет, – уверенно ответил парень, – а вот в городе есть. Год назад одна мама-сан открыла чайный домик в Ивовом мире. Привезла несколько известных куртизанок. И это в нашу глушь, где один коку за ночь с гейшей высшей категории могут заплатить всего с десяток самураев на всю провинцию. Спрашивается, в чем расчет? Цугара перед отъездом предупредил меня, что, скорее всего, это соглядатай. Мы несколько раз перехватывали голубей с донесениями, но расшифровать их так и не смогли.

– Ладно, завтра с утра жди меня, – решил закругляться я, – в час дракона загляну посмотреть твой драгоценный архив.

Остаток дня прошел достаточно бестолково. У священника была служба в одном из домов в Тибе – я велел не прерывать его и привести ко мне завтра. Хотел поговорить с женой о финансах – не удалось: пришел Кусуриури-сан, начал

менять повязку на голове. Заживление шло хорошо, начал расспрашивать его о методах лечения. Названия большинства трав мне ни о чем не говорили, и разговор получился скомканным. Все, что понял, – фармакология тут на уровень выше, чем в Европе, а вот с хирургией – беда. Нет, наложить шину на перелом, зашить рану, даже сделать ампутацию вполне по силам местным врачам. Но вот банальная операция по удалению камней из мочевого пузыря повергла аптекаря в ступор. Или, не дай бог, воспалится аппендикс – ты гарантированный труп. Чума, оспа, холера выкашивают миллионы человек. Сильно тормозят развитие медицины синтоизм и буддизм, которые считают манипуляции с трупами очень скверным делом. Большой урон карме, угроза будущим перерождениям. Впрочем, и в Европе анатомички появятся еще очень нескоро.

Начало темнеть, вернулся в донжон. Зашел на женскую половину. Очень мило, уютно, но суетно. Семят служанки, суетится вокруг Тотоми, не зная за кем ухаживать – за мной или за орущим сыном. Беру Киётото на руки, показываю, сложив из пальцев, несколько забавных животных из театра теней. Благо фонарики дают хороший свет и можно на фоне бумажного сёдзи продемонстрировать лающую собаку, жабу... В восторге не только Киётото, но и все присутствующие женщины. Смеются, тут же организовывается ужин. Присутствуют Тотоми, совсем молоденькая зеленоглазая японка – новая наложница Хиро по имени Кёко. Самого генерала нет: объезжает заставы, повышает бдительность. Оно понятно – враги дайме ухлопали, а вассалы даже диверсантов поймать не смогли.

Был бы на моем месте настоящий Ёшихиро – сейчас бы каждый десятый самурай вскрыл себе живот над навозной кучей. И не просто бы сам вскрылся, но и всю его семью, включая младенцев, пустили бы под нож. Солидарное общество, коллективная ответственность. В местных условиях децимация[29 - Казнь каждого десятого в римских легионах.] здорово поднимает дух и дисциплину. И кстати, искусственный отбор в действии. Выживают самые умные, целеустремленные, терпеливые... Свои лучшие качества они передадут потомкам. Кто сказал, что евгеника не работает? Слабые умирают, сильные размножаются. А еще не забываем про групповой отбор. Ой, не зря тут вся Япония разделилась на кланы. Свои гены передадут не только умные, но и самые верные, бескорыстные. Именно они, альтруисты – основы любой власти.

Подают теплое сакэ в маленьких бутылочках. Люди ошибочно считают сакэ рисовой водкой или вином. Ни то, ни другое не верно. Сакэ – больше всего

похоже на очень крепкое пиво. Не помню кто рассказывал мне, что и в производстве сакэ здорово напоминает пенный напиток. Делают сусло, его смешивают с рисом, водой и дрожжами, дают забродить, еще какие-то манипуляции – и пожалуйста, сакэ готово. Чем плох (или хорош – кому как) теплый алкоголь – тем, что сразу бьет в голову. Наверное, быстро впитывается в кровь. С первой же бутылочки моментально пьянею, но продолжаю пить. День был тяжелый, одних японских имен штук двадцать пришлось запомнить. Девушки пытаются меня накормить, но коса находит на камень. Ну не могу я эту черную икру... тьфу, сырую рыбу, моллюсков есть, да еще – это ж какая сволочь придумала подавать к столу дайме маринованных медуз?! Пытаюсь встать и сходить к поварам. Кое-кому пора там сделать харакири. Не удастся. Ноги заплетаются, валюсь обратно на татами. Хватаю еще бутылку, пью по-русски, прямо из горла. Японки в шоке, закрываются веерами. Не нравится, дворяночки? Сейчас я вам еще спою. Русскую народную.

Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает!..

...За Родину в море открытом умрем,

Где ждут желтолицые черти!

Желтолицые черти таращатся на меня квадратными глазами. Послушать песню сбежалось ползамка – слуги, самураи охраны... А ну и черт с ними. Допиваю последнюю бутылку. Как там писал Хайям про своих дам?

О Тотоми! Я подобных тебе не встречал.

Я до встречи с тобой горевал и скучал.

Дай мне полную чарку и выпей со мною,

Пока чарок из нас не наделал гончар![30 - Омар Хайям. Рубаи. Перевод Н. Стрижкова.]

Пытаюсь перевести стих на японский, но получается трудно. Глаза слипаются, японцы качаются передо мной из стороны в сторону, я еще что-то пытаюсь сказать по-русски, спеть, но язык уже не слушается. Падаю лицом вниз и проваливаюсь в сон.

Глава 6

Где права сила, там бессильно право.

Японская пословица

С утра раскалывается голова. Сушняк – это еще мягко сказано. Что ж я вчера напился как свинья?! А где я, кстати? Оглядываюсь. Выходит, что сегодня я ночевал на женской половине. Под головой специальный валик а-ля подушка, кто-то заботливо раздел и укрыл меня одеялом. А вот и этот кто-то. Раздвигается сёдзи, и в комнату заходит Тотоми. Кланяется. Ставит поднос на татами, задвигает двери. Мы улыбаемся друг другу. Жена подходит ближе, кладет прохладную руку на мой лоб. Вот уж не знаю, что на меня накатывает, но я захватываю ее ладошку и целую. Тотоми краснеет, пытается отнять руку, но я уже левой рукой провожу по бедру, задирая кимоно. Какая гладкая и нежная кожа! Особенно на внутренней поверхности бедра. Девушка начинает порывисто дышать, а для меня это сигнал засунуть правую руку за вырез кимоно. Грудь маленькая, но соски уже затвердели.

– Господин, что вы делаете, – хриплым голосом говорит жена, а сама уже развязывает пояс.

Спустя пять минут лежим, обнявшись, успокаиваем дыхание. Все было замечательно, жена даже в процессе несколько раз громко застонала. Я, честно сказать, слегка напрягся – внутренние стены тут бумажные, окна открыты, вокруг полно людей. Но так получилось даже лучше, я отвлекся, слегка отсрочил финал и доставил Тотоми еще больше удовольствия.

– Что на подносе? – интересуюсь.

Жена одевается и начинает меня кормить. Никакого опохмела – в чайнике традиционный зеленый чай. Эх, хорошо бы раздобыть черный. Должен же он расти в Индии или Китае? В процессе принятия пищи расспрашиваю девушку, выражаясь современным языком, о финансово-экономическом состоянии клана Сатоми. Она настоящий кладезь информации, и это не удивительно – ведь

двадцатилетняя Тотоми отвечает за все налоги, расчеты, платежи в двух провинциях! Жена видит мой ошарашенный вид и звонит в колокольчик. Появляются служанки. Короткий приказ – и комната начинает наполняться бухгалтерскими книгами, свитками и даже счетами с костяшками. С поклоном входит лысый казначей. Сабуро Хейко вносит свою лепту в мое просвещение. Картина вырисовывается следующая.

Доходная часть обеих провинций – примерно сто двадцать тысяч коку в год. Симоса дает в бюджет больше – семьдесят пять тысяч, Кадзуса – сорок пять. Семьдесят процентов доходов обеспечивает рисовый налог, взимаемый с крестьян. В год «черноногие» сдают в казну примерно восемьдесят пять тысяч коку, и это при налоговой ставке сорок пять процентов. То есть общий урожай земель Сатоми – свыше 130 тысяч коку риса, или двадцать тысяч тонн! Конечно, год от года цифра колеблется, но все равно поражает своими размерами. Оставшиеся тридцать процентов доходов формируются следующим образом. На территории Симосы в бухте Фунобаси действует коммерческий порт. Два торговых дома – Джинья и Таиша – ввозят из Кореи хлопок, с севера Хонсю железную руду, из Вьетнама благовония. Раньше еще неплохо шла торговля шелком с Китаем, но теперь это направление монополизировали португальцы, чей Черный корабль[31 - Куробунэ, Черное судно – японское название европейских торговых судов, корпус которых приобрел черный цвет из-за обработки дегтем.] раз в год привозит в Нагасаки огромную партию тканей. Приток денежных средств в казну от торговли формируется двумя способами – от доли в бизнесе торговых домов и от таможенных платежей. Общая сумма получается удивительно небольшая – около шестнадцать тысяч коку. Это при том, что у Сатоми контрольный пакет в обоих домах. Что-то мне это кажется подозрительным.

Оставшиеся двадцать тысяч коку формируются из косвенных налогов – на вылов рыбы, производство сакэ, налоги с горожан, кузниц, чайных домиков и другого «малого» бизнеса. Какие-то деньги приносят таможенные посты на Токайдийском тракте.

Я сразу вижу несколько способов увеличить доходную часть. Во-первых, новые производства. Сегодня же переговорю с айном насчет домны и железоделательного комбината. Во-вторых, новые направления в торговле. Самый ходовой товар в Японии после риса – шелк. Им даже наряду с рисом выдают жалование. Поэтому надо привлечь португальцев в Тибу и организовать

поставки шелка. Третий способ – спекуляции рисом. Курс коку к золоту колеблется, часть налога клан обналичивает на бирже в Мито, столице клана Сатакэ. Тут для меня есть большое поле деятельности, да и тестя надо бы проведать. Все, планирую поездку к дружественному клану. Пора этой стране узнать про искусственную биржевую панику, короткие продажи, маргинальные сделки...

С расходами обстоит все несколько интереснее. Около тридцати тысяч коку в год уходит на содержание самураев из дзикисидана и куни-сю, причем большую часть расходов казна делает в натуральном виде, то есть рисом, рыбой... В пять тысяч обходится ремонт и строительство дорог, мостов, таможенных застав. Пять тысяч – выплаты административному аппарату и слугам. В каждом городе, селе живут чиновники Сатоми, которые собирают налоги, следят за исполнением законов и указов дайме. Около семи тысяч уходит на разведку и контрразведку – оплата агентов мацукэ, подкуп чиновников. Еще тысяч десять коку в году приходится «засылать» паханам. Делать подарки императору ко дню рождения, радовать сёгуна элитными конями и так далее. Для этого в Киото при дворе живет специальный чиновник по особым поручениям. Тотоми жалуется, что из года в год расходы на него растут, а толку ноль. Надо думать, что делать и стоит ли что-то делать, если скоро старых сёгунов уже не будет, а новые еще пятьдесят лет будут воевать друг с другом за власть. Восемь тысяч коку стоит содержание двух замков, три тысячи приходится тратить на закупку оружия и припасов для армии.

Итого чистая прибыль Сатоми – порядка пятидесяти тысяч коку в год. И жена, и казначей очень впечатлились скоростью, с которой я в столбик посчитал цифры. Быстренько показал им прогрессивный метод, а заодно набросал таблицу умножения. А что? Арабские цифры Тотоми уже известны, пусть учится умножать и делить без использования иероглифов. Это быстрее и проще. Завтра обещал рассказать о двойной записи в бухгалтерии. Дебет-кредит, актив-пассив, сальдо-бульд. Без достижений в области финансов ситуацию не сдвинуть с мертвой точки. Впереди тотальная война – все против всех, – и на нее нужны деньги. В казне хранится двойная годовая прибыль, профицит бюджета – пятьдесят тысяч коку, и при этом армия – всего около пяти тысяч человек! Какой смысл сидеть на золотых монетах, если они не приносят: а) безопасности; б) дохода?

Ситуацию надо в корне менять. И первым делом следует открыть банк. Ссужать деньги под процент, принимать сбережения – таким образом мы увеличиваем

оборачиваемость средств в экономике и создаем мультипликационный эффект.

Пока я витал в финансовых облаках, за окном раздался какой-то шум. Ударил колокол, послышался топот копыт. Тотоми выглянула в бойницу, и я увидел, как жена побледнела.

– Ёшитойо-сан приехал!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Размечтался – банк, спекуляции... Сейчас дядя устроит спекуляцию с твоей головы. Так, главное не раскисать. Вдох-выдох.

– Быстро одежду!

Вокруг меня началась суета. Новое коричневое кимоно с логотипом клана, специальная белая накидка с широкими плечами, мечи. Все, готов.

Выхожу из донжона на плац, за мной собирается свита тибовских самураев. Иду навстречу группе всадников в красных доспехах. За мной пристраивается Симодзумо Хиро, его правая рука Танэда Цурумаки, мой начальник охраны Эмура Ясино, мацукэ Мисаки Мураками и еще с десятков замковых солдат.

Чем ближе подхожу к дядиному отряду, тем больше меня охватывает если не паника, то сильная тревога. В центре группы возвышается просто огромный японец. Под два метра ростом, весь закованный в доспехи, просто увешанный оружием: и мечи, и лук, и даже – вот это новость – кремневый пистолет за поясом! Самурай спешивается, снимает шлем, и я медленно выдыхаю воздух. Японский Николай Валуев. Большие надбровные дуги, густые сросшиеся брови, тяжелый подбородок и выступающие скулы. Лицо безволосое, на голове плешь. А вот глаза маленькие, злые.

Рядом с лошади слезает моя копия – молодой самурай, почти подросток. На лбу повязка с символом клана Сатоми. Самурайская косичка, мечи, все как положено. Я так понимаю, что это мой дядя и брат.

Кланяемся. Брат с радостной улыбкой кланяется в ответ, дядя кривит толстые губы и лишь кивает. Ладно, проглотим оскорбление.

– Приветствую доблестных самураев Итихары в замке Тиба, – адресуюсь я к спутникам дяди. – Прошу вас чувствовать себя как дома. Хиро-сан, распорядитесь устроить воинов дзикисидан, накормить.

– Хай[32 - Да (яп.)], – рапортует генерал, уводит бойцов в казармы.

– Дядя, брат, я рад вас видеть. – Подхожу вплотную к гиганту, кладу руку на плечо Хайры Сатоми. – Как насчет бани после утомительного путешествия?

– Мы скакали сутки подряд, – сплевывает в песок Ёшитойо Сатоми. – Загнали десяток лошадей, и все для чего? Чтобы нежиться в ваннах с девками?

– Тогда прошу пройти в главный зал, – пытаюсь перевести я назревающий конфликт в иное место. – Там все обсудим.

Пока поднимаемся по лестнице, брат шепчет, что тоже рад меня видеть, дядя очень не в духе – по дороге зарубил какого-то крестьянина, который загоразивал путь. Просит меня быть очень осторожным. Перед входом в зал успеваю тихо попросить Мураками, чтобы принесли как можно больше сакэ, а мне незаметно – кусок китового жира.

Пока заходим с дядей на помост (он жалобно скрипит под его весом), пока рассаживаемся, соблюдая все ритуалы: «Нет, я прошу взять эту удобную подушку вас, господин Ёшитойо-сан! Как я могу? Ёшихиро-сан, только после тебя! Нет, я настаиваю, дорогой дядя...» – пока слуги заносят угощения и расставляют сакэ, я успеваю рассмотреть спутников гиганта. Это два самурая совершенно невзрачной комплекции. У одного все лицо рассечено длинным шрамом, другой – обладатель выдающегося носа и набитых костяшек на кистях. Оба, судя по всему, отличные бойцы – жилистые, быстрые. Нас, кроме брата, тоже трое. Я, Цурумаки, раненный в плечо Ясино. Как все повернется, не очень ясно. За кого вступится охрана? На чьей стороне будет брат? Жаль, что не удалось поговорить с ним до начала встречи.

А наши «посиделки» тем временем превращаются в поминки. Первую чашу сакэ поднимаем за погибшего отца. Дядя желает ему хорошего перерождения. Быстро выпиваем. Слуги расставляют кушанья, но все налегают на выпивку. За окном темнеет, и начинается ливень. Я тайком ем из пиалы белые кусочки

китового жира. Второй тост – за императора. Тут же третий, дядя клянется отомстить Огигаяцу и стоящим за ними Ходзе. Несколько минут наполнены чистой руганью в адрес дайме двух кланов. Беру на вооружение несколько выражений.

Первым напивается, ожидаемо, брат. Он моложе, опыта попоек нет. Сначала сильно краснеют его щеки и шея, потом руки, Хайра начинает глупо смеяться невпопад, вспоминать какой-то обряд мидзуагэ[33 - Японский обряд взросления гейши и юдзё, сопровождавшийся выставлением девственности на продажу.] с прелестной Коё-сан. Ах, как хорошо было с дядей в Итихаре, ах, как весело они там проводили время. Ёшихиро, тебе обязательно надо заглянуть на недельку в Итихару, там такие девчонки живут! Ага, обязательно загляну. Только презервативы захвачу. СПИДа тут еще не наблюдается, а вот сифилис подхватить вполне можно. Антибиотиков нет, лечить его не умеют – ходи потом с проваленным носом.

Сам дядя веселья племянника не разделяет, смотрит хмуро.

– Ну, расскажи нам, Ёшихиро, как погиб мой брат, – бросает первый камень Ёшитойо.

Озвучиваю версию Ясино. Особенно выделяю для своих самураев странности с местом охоты и поводом. Мой новый начальник охраны и капитан мечников Тибы мрачнеют. Какие-то выводы они для себя, очевидно, уже сделали. Дядя ходит с козырей:

– На завтра я созываю телёчэдикай, совет старейшин клана Сатоми. Предателям и трусам не место в наших рядах.

Ёшитойо залпом пьет сакэ и с вызовом смотрит на меня и Ясино. Тот судорожно сжимает рукояти мечей. Разговор идет на повышенных тонах.

Испуганные слуги еще раз меняют кушанья и бутылки с алкоголем. Молча, уже без тостов, пьем сакэ.

– На кого это вы намекаете, дядя? – смотрю прямо в глаза самураю.

А у самого, честно сказать, душа в пятки ушла. Но отступать некуда, позади Москва – то есть вассалы, сын, Тотоми... Только о ней подумал – как вот она, легка на помине. Заходит в зал, вся принаряженная, в розовом кимоно, улыбается, кланяется. Приветствует Ёшитойо, интересуется, как себя чувствует его жена Комари-сан. Тот что-то бурчит в ответ, явно раздосадованный.

Оказывается, брат отца женат. Надо было не сакэ хлестать вчера, а изучить личные дела всех важных фигурантов. Кладу в рот еще один кусочек жира и поднимаю тост за клан Сатоми. Пьем. Теперь за женщин. Пьем. Хайра уже готов, взгляд стеклянный, вот-вот упадет. Самураи с обеих сторон тоже поднабрались, но еще держатся. Остаемся мы с дядей. Либо он, либо я. Из этого зала выйдет только один. Второго вынесут. И зачем только Тотоми пришла? Надо ее как-то вежливо отослать. Тут может быть небезопасно.

Ёшитойо начинает потихоньку краснеть, а я в уме пытаюсь высчитать его норму. Предположим, в нем сто кило. За единицу измерения примем десять миллилитров (восемь граммов) чистого спирта, что равно небольшому бокалу (125 мл) вина, банке (около 300 мл) пива или рюмке водки. Пьем мы не вино и не пиво, а сакэ. В нем, насколько я помню, спирта примерно пятнадцать процентов. Выпили мы каждый уже по пол-литра. Получается около семидесяти пяти миллилитров чистого спирта. Так, а теперь переведем все в промилле. Я напряг память. В сотне граммов водки содержится примерно пять – шесть десятых промилле. Когда в России разрешили выпивать за рулем, норма была не больше трех десятых промилле. Свыше трех десятых и до двух промилле – это легкая степень опьянения, средняя – от двух до трех, тяжелая – от трех до четырех, и наконец алкогольная кома – свыше четырех промилле. До комы мне его не допить, он килограммов на тридцать тяжелее, а вот в среднюю категорию перевести вполне можно. Для этого надо выпить минимум еще два раза по столько же. Мне это будет не так страшно, так как я съел жиру, а он мешает впитываться алкоголю в кровь.

Ну, что? Погнали дальше? Погнали. За самого Ёшитойо выпить надо? Обязательно. За жену? Непременно. И пошло-поехало. За урожай, за здоровье, и опять за императора. Черт, это уже мы по кругу идем. Брат сомлел окончательно и спит сидя. Верные самураи качаются из стороны в сторону. Дядя покраснелся так, что прикурить можно, – громко хохочет своим шуткам, стучит ладонями по татами. Расстегнул доспехи, стянул с себя панцирь, набедренники и наручи. Достал из рукава веер, обмахивается. И тут все и произошло.

Тотоми, налив дяде новую порцию, повернулась к нему спиной, собираясь спуститься с помоста. При этом наклонилась немного вперед. И тут же получила шлепок веером по попке. Вкупе с похабной шуткой. Может, в другой ситуации все можно было бы спустить на тормозах и ограничиться традиционным мордобитием, что, в общем-то, сомнительно – все железом обвешаны. Но не в этот раз. Я тут же подскочил на ноги и с криком:

– Ксоо! – плеснул в лицо Ёшитойо недопитое сакэ.

Дядя ожидаемо взревел, грузно поднялся на ноги и выхватил меч. Все, дело сделано. На дяде тут же повисли его самураи, крича, что он, конечно, нарушил ва – гармонию этого дома, но они просят их простить. Сакэ и все такое... Только вот сам Ёшитойо извиняться не собирался – одним легким движением он сбросил с себя бойцов и кинулся на меня. Я тоже вытащил меч и закрыл собой Тотоми, которая благоразумно бросилась вон из комнаты.

Рядом со мной встали, пошатываясь, Цурумаки и Ясино. Услышав наши крики, в комнату ворвалась охрана. Однако в бой двух родственников вмешиваться никто не решился.

Первые несколько ударов дяди чуть не поставили крест на моей карьере дайме. Сила у него была чудовищная, и если бы не алкоголь в крови, то никакие унаследованные навыки мне бы не помогли. Слишком разные весовые категории. Двигался Ёшитойо быстро, бил резко и сильно, вот только координация движений страдала. То запнется, то промажет. Я же старался не ставить жестких блоков, а ограничиваться обкаткой выпадов, проваливая его вперед и вправо. На одном из выпадов удалось защитный отбив перевести в финт и резануть по правой ноге дяди. Полилась кровь.

Тут очнулся спавший Хайра и попытался броситься нас разнимать. Но его перехватил Танэда. Все это я видел краем глаза, полностью сосредоточившись на уклонах, скрутках тела. Хороший фехтовальщик до половины силы поражающих ударов гасит за счет движений корпуса. Особенно если его противник очень физически развит. Меч у дяди был замечательнойковки, но и клинок айна не хуже.

И вот она, развязка. Дядя делает мощный засечный удар справа с подшагом, но раненая нога не дает сделать ему правильное движение, и Ёшитойо

напарывается на мой встречный выпад. Я с противным хрустом вскрываю грудину дяди как консервную банку. Среди развороченных ребер видно бьющееся сердце. Бьется, правда, оно недолго, и через минуту Ёшитойо Сатоми умирает.

К этому времени зал под завязку забит вооруженными солдатами. Самураи из свиты дяди окружены и разоружены.

Я устало опускаюсь на пол. Чувствую, что вот-вот меня вырвет выпитым сакэ. Вот будет позор. На передний план проталкивается генерал и берет инициативу в свои руки. Тело дяди уносят в замковых ледник, все лишние люди покидают зал, Хиро лично берет письменные показания со свидетелей. Очень предусмотрительно. В комнату вбегает Тотоми. Бледная, но зато с мечом. Меч-то у нее откуда?

Глава 7

Поражения учат нас лучше, чем победы.

Японская пословица

– Я вас очень прошу остановить эту варварскую казнь! – Филипп Родригес указывает рукой на шеренгу самураев, приготовившихся совершить сэппуку.

Десять дядиных военачальников и охранников расположились на специальных белых татами во дворе замка. За каждым из них стоит мечник, готовый отрубить голову, после того как сидящий на коленях мужчина вскроет свой живот. И почему Ёшитойо был настолько уверен в себе, что приехал в Тибу, взяв с собой лишь самых близких друзей и соратников? Явись он сюда во главе своего тайдана – тысячи, – неизвестно как обернулось бы дело. Дядины войска подойдут лишь завтра, и Хиро заверил меня, что проблем не будет. Все, кто мог бы поднять бунт и захватить власть, – вот они, на плацу.

– Не буду.

– Почему? Посадите их в тюрьму, вышлите за пределы княжества... Я не понимаю, в чем их вина? В том, что они верно служили вашему дяде? В чем их преступление?!

– Вы в Японии не так давно и еще не понимаете нашей специфики, – ага, так и сказал: «нашей». Потихоньку вживаюсь в местные реалии.

– Двадцать миллионов человек живут на четырех небольших, по европейским меркам, островах. Белковой пищи мало, выращивание риса – весьма рискованное занятие. Ловля рыбы также не гарантирует стабильного питания, да и запастись морскими гадами трудно. Свободной земли нет. Крупного животноводства нет. Пара засушливых лет – и крестьяне начинают убивать новорожденных, отвозить пожилых родителей в горы. Поймите, самоубийство – это способ саморегуляции общества. Важный и нужный ритуал. Представьте, что вам в Португалии запретят корриду.

– Да как можно сравнивать убийство быка и человека?! – Глаза иезуита просто мечут молнии.

– Можно, можно. Не исключено, что пройдет лет пятьсот – и у вас в стране появятся люди, которые скажут, что страдания быка ничем не отличаются от страданий человека. Что он тоже живой, чувствует. Издеваться и втыкать дротики в холку ради развлечения – негуманно. Вы же священник! Смотрите на все *sub specie aeternitatis*[34 - С точки зрения вечности (лат.)].

– Вечность – это Бог! Он прямо в Библии запрещает самоубийство! Это один из смертных грехов. Человек, нарушивший волю Бога, отказавшийся от дара жизни, попадает сразу в ад.

– По мне, сознательно приезжать в Иерусалим, зная, что через несколько дней тебя подвешат на кресте, – это и есть натуральное самоубийство. В этом смысле Иисус Христос очень похож на самурая – исполнил свой долг до конца.

– Не богохульствуйте! – Священника трясет от ярости. – Это была крестная жертва, выкуп перед Богом-Отцом за все грешное человечество!

– Ну и эти самураи – тоже жертва, и тоже выкуп. Только не за все человечество в целом, а за японскую нацию конкретно и за наш клан в частности. Сам пожил – дай пожить другим. Поймите, они – жертвы той среды, в которой приходится жить. Клан Сатоми не может себе позволить раскола и смуты – кругом враги. Цена такой розни – десятки тысяч жизней, что, согласитесь, много больше, чем эти десятеро.

– Вы... вы... – не мог подобрать слов священник. – Варвары!

Сказал и, видно, испугался.

– Разве варвары могут перед смертью написать такое? – я подозвал Хира-сана и взял у него лист с предсмертными стихами – Послушайте, я вам переведу.

Поднимаясь в небо,

Губами касаюсь снежинок,

Пролетающих мимо.[35 - Неизвестный автор XVI в.]

Или:

Золотом в небеса

Взлетают опавшие листья.

Ветер уносит мечты.[36 - Неизвестный автор XXI века.]

Ну, разве не потрясающие хайку[37 - Хайку (хокку) – жанр японской поэзии. Маленький философский стих из трех строк без рифмы.]? Человек в двух шагах от неведомого, его ждет боль и ужас смерти, – и в чем же он находит силы?

– Бесконечность, Филипп, – она не в божестве. Она внутри нас.

– Какая мерзость возвеличивать смерть! – Иезуит аж весь передернулся. – Я сейчас же уезжаю! Сию же минуту.

– Никуда вы не уезжаете. – Я жестом подозвал мацукэ: – Мураками-сан, проследите, чтобы сеньора Родригеса и его людей устроили в городе получше. Он у нас еще задержится.

Мисаки поклонился, а я махнул рукой. Крик боли, свист клинка – первая голова покатила по двору. Эта картина мне будет сниться всю оставшуюся жизнь.

Нельзя сказать, что я так легко дал согласие вассалам дяди последовать вслед за ним. Я против самоубийства как метода. Но вместе с тем я начал принимать реальность такой, какая она есть. Совершить сэппуку – это по местным обычаям доблесть и честь. О таких героях будут рассказывать детям, предсмертные стихи читать женам и друзьям. Попади эти люди в тюрьму, а подвалы Тибы позволяли разместить хоть сто узников, – жертв может быть намного больше. Например, могут покончить с собой из-за позора отца дети самурая или жена. Тут женщины-самураи имеют те же права, что и мужчины. Правда, кончают с собой они не вскрывая живот, а перерезая горло, но суть от этого не меняется. Я решил проявить благородство – назначить семьям хорошую пенсию, а сыновей взять в свое личное войско. Так что самураи уходили в великую пустоту с гордо поднятой головой, а моя совесть по местным меркам была чиста.

Кроме того, из приехавших с Ёшитойо остается мой брат и тот самый носатый японец со сбитыми костяшками. Он оказался любопытной личностью. Мацукэ уже доложил мне, что товарищ не так прост, как кажется. Не исключено, что он связан с пиратами вако, которые предположительно имеют базу на самой оконечности полуострова Босо. А еще этот самурай вез садок с почтовыми голубями. Для связи с кем? На этот и на другие вопросы теперь предстояло ответить нашему главе ГБ.

А мне же следовало закрепить успех (если так, конечно, можно назвать убийство дяди) и встретиться с главами семей куни-сю. Сельские отряды уже начали собираться под стенами замка, и первым прибыл Самаза Арима.

Обработку провинциальной аристократии мы построили следующим образом. При въезде в замок региональный лидер проезжал мимо галереи из отрубленных голов бунтовщиков, насаженных на колья. Венчала галерею забальзамированная голова моего дяди. Оказалось, что наш Аптекарь-сан не только хороший доктор, но и неплохой бальзамировщик. Так что после снятия швов у меня на голове Кусуриури еще успел обработать дядины останки.

Куни-сю спешили, и их приветствовал генерал с моим братом. Хайра, после того как протрезвел и осознал, что произошло, – здорово пришел в ум. Никакого прежнего раздолбайства, глупых ухмылок. Я объяснил брату, что Ёшитой замешан в смерти отца. От этой новости брат, конечно, выпал в осадок. Кроме того, нам предстоит война на выживание с Огигаяцу, и не исключено, что с Ходзе тоже. Брат впадает в задумчивость. Понимает ли Хайра, что Ходзе и Огигаяцу – это фактически уже один большой клан, который сильнее нас в разы? Вроде понимает, кивает. Так что от сплоченности Сатоми, от верности и энергичности наших самураев зависит жизнь всех. От мала до велика.

В общем, пиар нового дайме начинался еще на крыльце донжона. Хайра с печальным видом рассказывал самураям о предательстве дяди, капитанов и лейтенантов Итихары. Дальше генерал демонстрировал письменные показания свидетелей, ну а финальную шлифовку производил уже я.

В этом мне помогали жена и «писатель». Тотоми давала общие сведения о семье и ее лидере, а рыжеволосый мацукэ, перелистывая досье своего приемного отца, искал различный компромат. Первым под наш конвейер попал Самаза Арима – тучный самурай с мясистым лицом и высокой косичкой. Вошел, опасно осматриваясь, низко поклонился. С кряхтением сел перед помостом на подушку. Пока служанки ему наливали чай, пока он его, отдуваясь, пил, Тотоми с Мураками тихонько обрисовали мне ситуацию с уездом Гои, которым управлял Арима.

Площадь владений Самазы составляла пять тысяч тё[38 - 1 тё = 10 тан = 1 га.], только половина сельхозназначений, расположено оно большей частью на побережье моря Эдо. Сорок пять лет, женат, имеет наложницу, троих дочерей. Жаден, труслив, поддерживает обширные связи с торговцами, богат. Обручил старшую дочь с сыном патриарха дома Джинья, что расценивается остальными куни-сю как бесчестье. У моего отца активно выпрашивал самурайское достоинство для будущего зятя. Безрезультатно. Главный актив – порт в бухте Фунобаси, через который идут основные экспортно-импортные операции Сатоми. Привел триста бойцов, в основном пеших, но хорошо вооруженных и экипированных.

Разговор ведет осторожно, почтительно. Сразу заявляет, что я – лучший дайме, чем мой дядя. Поверженного льва да не пнуть? Сходу показываю ему кнут – дескать, грязные торговцы совсем обнаглели, платят в казну совсем мало, пора

привести их в чувство. Кое-кого, наверное, стоит распять в воспитательных целях. Куда смотрит владелец порта? Может быть, стоит прислать моего казначея для ревизии? Арима вздыхает, вытирает пот со лба. А вот теперь можно и морковку дать.

– Но если, конечно, остались еще у клана Сатоми верные слуги среди негоциантов, – я демонстративно смотрю в окно, – готовые помочь родине в тяжелую минуту...

Тяну паузу.

– Господин дайме, – кланяется Арима, – о какой помощи идет речь?

– Мне нужно, чтобы уезд Гои к концу месяца без дождей мог выставить две тысячи бойцов.

Толстяк охает.

– Это могут быть ронины, и даже крестьяне-асигару. Вручим им бамбуковые копья, простые доспехи и, может быть, даже заморские ружья.

Где бы взять еще столько снаряжения и аркебуз?! Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Арима тоже не скоро на вербует солдат. Дай бог к августу раскачается.

Вешаю еще пару морковок перед носом самурая. Во-первых, я готов вложить клановые деньги в строительство верфи. Мне нужны новые, современные суда и моряки, готовые на них ходить. Изображаю на бумаге голландский флейт с двумя мачтами. Двадцать пушек, пятьдесят человек экипажа. Типовое судно этой эпохи. Еще сто ближайших лет на таких кораблях будут и торговать, и воевать.

Оказывается, Самазу уже в курсе насчет флейтов. Один такой стоит в его гавани Фунобаси. Получается, что португальцы тоже уже освоили этот тип судна? Или захватили чужое? Я помечаю в своем дневнике уточнить некоторые моменты с Родригесом, а также все важные особенности уезда Гои.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

До свидания (яп.).

2

Указывать пальцем в Японии считается неприличным, так же как сморкаться, показывать зубы и т. д.

3

Специальное помещение с торговыми терминалами, где работают дилеры банков.

4

Стажер (яп.).

5

Извините (яп.).

6

Чужак-иностранец (яп.)

7

Стой (яп.).

8

Тревога (яп.).

9

Формализованный комплекс упражнений в японских боевых искусствах с четкой последовательностью движений.

10

«Великая сила лекарственного канона» (яп.).

11

Хатамото обычно переводится как «знаменосец», этот титул традиционно присваивали личным телохранителям военачальника, которые всегда сопровождали своего командира и защищали его на поле боя. Он также присваивался потомкам семей выдающегося происхождения, а также людям, обладающим исключительным мастерством. Хатамото составляли своего рода «мелкопоместное дворянство».

12

Здравствуйтесь (яп.).

13

Вы говорите по-испански? (Исп.)

14

Японское ритуальное самоубийство.

15

Отходы жизнедеятельности (яп.). Ругательство.

16

Каста париев в феодальной Японии. К ней причислялись люди, занимавшиеся «нечистыми» (согласно буддийским канонам) профессиями: убой скота, снятие и выделка шкур и др.

17

С 15 до 17 часов.

18

Среда. В Японии дни недели было принято именовать по видимым небесным объектам. Воскресенье – Солнце, понедельник – Луна, вторник – Марс, среда – Меркурий, четверг – Юпитер, пятница – Венера, суббота – Сатурн.

19

Понедельник.

20

Кодекс поведения самурая в обществе, представлявший собой свод правил и норм (быть бережливым, верным, изучать боевые искусства и уметь принять смерть с честью).

21

Дзэн – одна из важнейших школ дальневосточного буддизма, в широком смысле дзэн – это учение о просветлении.

22

Сигнал остановки схватки в японских боевых искусствах.

23

Устройства для отработки ударов.

24

Сама – самый уважительный суффикс. Употребляется по отношению к людям, старшим по возрасту, должности и так далее; сан – уважительное нейтральное обращение; кун – суффикс для более близких знакомых мужского пола, обычно употребляется среди одноклассников или коллег по работе равного ранга; тян – самый мягкий суффикс, используется при очень близком знакомстве, в основном при обращении к девушкам и детям.

25

Спарринг-партнер в яп. боевых искусствах.

26

Деревянный меч, используемых в кэндо для тренировок.

27

Почетный титул, дававшийся воину за искусное владение мечом.

28

Деклассированные самураи феодального периода Японии, потерявшие покровительство своего сюзерена либо не сумевшие уберечь своего господина от смерти.

29

Казнь каждого десятого в римских легионах.

30

Омар Хайям. Рубаи. Перевод Н. Стрижкова.

31

Куробунэ, Черное судно – японское название европейских торговых судов, корпус которых приобрел черный цвет из-за обработки дегтем.

32

Да (яп.).

33

Японский обряд взросления гейши и юдзё, сопровождавшийся выставлением девственности на продажу.

34

С точки зрения вечности (лат.).

35

Неизвестный автор XVI в.

36

Неизвестный автор XXI века.

37

Хайку (хокку) – жанр японской поэзии. Маленький философский стих из трех строк без рифмы.

38

1 тө = 10 тан = 1 га.

Купить: https://tellnovel.com/vyazovskiy_aleksey/sengoku-dziday-epoha-voyuyuschih-provinciy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)